

ПОЕЗД В ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЁКО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

HALDRIN

Haldrin

Поезд в Прекрасное Далёко

«Автор»

2026

Haldrin

Поезд в Прекрасное Далёко / Haldrin — «Автор», 2026

Поезд не должен был останавливаться. И уж тем более — подбирать пассажиров разных эпох. Сорок третий, семьдесят пятый, восемьдесят четвертый, девяносто шестой — люди из разных десятилетий приходят в себя в старом вагоне, накрытом туманом, откуда нет выхода наружу и нет связи с миром. У каждого — своя смерть. У каждого — своя вина. А у Поезда — свой маршрут. Здесь валюта — не деньги. Здесь билеты — обесценены. Здесь проезд оплачивается жизнью. Группа случайных попутчиков — сержант с войны, афганец, бандит, пионер, интеллигент, зэчка, экстрасенс, гимнастка и гигантшахтёр — вынуждены держаться вместе, когда Поезд сходит с привычного пути и останавливается на Сортировочной: среди кладбища ржавых составов и хищников, когда-то бывших людьми. Каждый вагон — испытание. Каждая остановка — приговор. И чтобы продолжить путь, им предстоит понять не только правила этого места, но и цену, которую оно требует. Потому что Этот Поезд везёт в Светлое Будущее.

© Haldrin, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава Первая: Попутчики	7
Глава Вторая: Железный Погост	17
Глава Третья: Курс Обмена	29
Глава Четвёртая: Санитарный Час	38
Глава Пятая: Панельное Гетто	47
Глава Шестая: Капремонт	56
Глава Седьмая: Ларёк	66
Глава Восьмая: Мягкие Стены	75
Глава Девятая: Лаборатория	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Haldrin

Поезд в Прекрасное Далёко

Пролог

Алексей полз. Ноги отказали еще в третьем вагоне, когда он неудачно использовал Рикошет, так что теперь он тащил своё тело на локтях, оставляя на рифленном полу тамбура широкий, влажный след.

Впереди была тяжелая, бронированная дверь, ведущая в Тендер — технический вагон с топливом. За ней, через горы черной пыли, лежал путь к Локомотиву.

Поезд замедлялся. Вибрация пола становилась все слабее, ритм колес сбивался, напоминая аритмию умирающего гиганта.

— Почти... — прохрипел Алексей, ухватившись здоровой рукой за ледяную скобу запора.

Заперто. Или прикипело намертво от мороза и времени.

У него не было лома. У него не было ключа. У него было только понимание законов этого места, записанное в потрепанный блокнот, который сейчас давил на ребра во внутреннем кармане.

— Зеленый Спектр, — шепнул он, сплевывая вязкую слюну. — Увядание.

Магия здесь не была чудом. Она была обменом.

Алексей почувствовал, как пальцы его правой руки — той, что сжимала скобу, — теряют чувствительность. Кожа мгновенно посерела, высохла и натянулась, став похожей на старый пергамент. Ногти пожелтели и с тихим стуком упали на железо. Жизнь уходила из его плоти, перетекая в структуру замка.

Внутри механизма что-то хрустнуло. Сталь засова за секунду постарела на сотню лет, превратившись в рыхлую ржавчину.

Алексей навалился плечом. Дверь со стоном подалась, осыпаясь рыжими хлопьями, и открыла проход в черное нутро Тендера.

В лицо ударил ледяной ветер, смешанный с угольной крошкой.

Тендер был огромен. Это был не вагон, а ущелье, доверху забитое топливом. Но это был не просто уголь. Алексей знал, что это. Окаменевшие остатки тех, кто ехал здесь раньше. Спрессованная в брикеты боль.

Ему нужно было перелезть через эту черную гору, чтобы добраться до кабины машиниста.

Он полз по осыпающейся куче, сдирая кожу с ладоней. Мертвая правая рука волочилась следом, как сухая ветка. Каждый метр давался с боем. Холод проникал под одежду, но Алексей не чувствовал его — жар лихорадки сжигал его изнутри.

Впереди, за угольным отвалом, тускло светилась щель входа в Локомотив.

Святая святых.

Алексей скатился вниз, в узкий проход между тендером и топкой, и ввалился в кабину.

Здесь было жарко.

Машинный зал был тесным и мрачным. Рычаги управления двигались сами по себе, дергаясь в конвульсиях. Но главным здесь была Топка — черная, глухая громада, от которой исходил inferнальный жар, но не свет.

Она молчала. Поезд почти встал. Инерция умирала. Стрелка манометра лежала на нуле.

Алексей с трудом перевернулся на спину, прижимая локтем карман с блокнотом. Сердце колотилось где-то в горле, пропуская удары.

Он знал, что Поезд просто голоден. И знал, что сейчас эта тварь наиболее уязвима. Если взорвать котел сейчас, пока защиты нет...

Он не собирался её кормить. Он собирался её убить.

Алексей закрыл глаза и потянулся к Красному Спектру. К чистому Аспекту Боли.

Он вспомнил всё. Хруст костей жены, которую он не удержал. Крики дочери. Бесконечные коридоры с кафельной плиткой. Свой собственный животный страх и боль.

Он сфокусировал это ощущение в одной точке — в центре собственной груди, чтобы выплеснуть наружу разрушительным импульсом.

— Разрыв, — выдохнул он, направляя здоровую руку на Топку.

Но он просчитался. Он был слишком слаб.

Платой за заклинание такой силы была не конечность. Платой была целостность самой жизни. Организм не выдержал отдачи до того, как магия успела покинуть его тело.

Внутри грудной клетки Алексея что-то глухо лопнуло. Ребра выгнулись, не выдержав внутреннего давления. Аорта разорвалась в лоскуты.

Вспышка боли была ослепительной, но короткой.

Тело Алексея дернулось в последний раз и обмякло на грязном металлическом полу кабины.

Кинетический удар, который должен был разнести котел вдребезги, так и не сформировался. Импульс умер вместе с проводником, растворившись в воздухе слабой статической искрой, которая лишь лизнула холодный бок Топки.

Поезд окончательно замер. Лязгнули буферы, передавая дрожь по всему составу. Наступила абсолютная тишина.

В метре от черной пасти котла лежал скрюченный труп мужчины. Из его нагрудного кармана торчал уголок дешевого блокнота в клеточку, исписанного мелким, убористым почерком.

Снаружи, за запотевшими стеклами кабины, начинал сгущаться туман Сортировочной.

Поезд ждал.

Глава Первая: Попутчики

Мир вернулся не светом, а вибрацией.

Мелкая, противная дрожь пробирала до костей, отдаваясь тупой болью в затылке. Ту-дух. Ту-дух. Ту-дух.

Ритм был неправильным. Слишком тяжелым. Словно колеса перемалывали не стыки рельсов, а чьи-то хребты.

Толян открыл глаза и тут же пожалел об этом. В висках стучало так, будто ему с размаху прилетело арматурой. Первой мыслью было: «Менты». Второй: «Конкуренты». Он дернулся, пытаясь вскочить, но тело затекло, приняв форму жесткой деревянной скамьи.

Не подвал. И не багажник.

Вагон.

Старый, вонючий общий вагон, какие пускали в область для дачников и работяг. Деревянные лавки с облупившейся желтой краской, тусклая лампочка под потолком, мигающая в такт тряске, и запах — густой коктейль из пыли, застарелого табачного дыма и невымытого человеческого тела.

— Сука... — прохрипел Толян, хватаясь за бок.

Пальцы привычно нырнули под малиновый пиджак. Кобура на месте. Рукоять ТТ холодила ладонь. Это немного успокоило. Если ствол при нем, значит, ещё не всё потеряно. Значит, можно порешать.

— С добрым утром, страна, — раздался насмешливый голос напротив.

Толян сфокусировал мутный взгляд.

На лавке напротив, закинув ноги в разных кедах на столик, сидел парень. Длинные, невымытые патлы закрывали пол-лица, джинсовка была исписана какой-то ересью шариковой ручкой. В зубах — незажженная «Прима».

Неформал. Чучело.

Толяна передернуло. Ярость, копившаяся вместе с похмельем, нашла выход.

— Ты чё вылупился, волосатый? — рыкнул он, выпрямляясь и расправляя плечи, чтобы пиджак натянулся на бицепсах. — Куда меня везут? Твои кенты, что ли?

— Мои кенты сейчас, скорее всего, портвейн в переходе допивают, — парень ухмыльнулся, но ноги со стола убрал. — А нас везут... ну, скажем так, далеко.

— Куда — далеко? — Толян подался вперед, нависая над столиком. — Слышь, ты мне тут горбатого не лепи. Какая остановка была?

Неформал пожал плечами, чиркнув колесиком пустой зажигалки. Искры не было.

— Никакой. Я проснулся — мы едем. Ты проснулся — мы едем. Окна видел?

Толян глянул в окно. Там не было ни леса, ни города, ни неба. Стекло было залеплено чем-то серым и плотным, словно вагон опустили в банку с прокисшим молоком. Это марево двигалось, клубилось, но сквозь него ничего нельзя было разглядеть.

— Чё за... — начал было Толян, но осекся.

С соседней лавки поднялась темная фигура.

Мужчина. Крепкий, коренастый. На нем была гимнастерка — старая, выцветшая до белизны, с темными пятнами пота на спине. Галифе заправлены в кирзовые сапоги, один из которых был перемотан ржавой проволокой.

Он выглядел как актер из кино про войну, только пахло от него не гримеркой, а сырой землей и махоркой. Так пахнет в погребе, который не открывали лет десять.

Мужчина шагнул в проход, перекрывая собой тусклый свет лампы.

— Гражданин, — голос у него был тяжелый, как могильная плита. — Отставить базар.

— Ты ещё кто такой, дядя? — Толян опешил, но бычку не выключил. — С реконструкции сбежал?

— Сержант Громов, — коротко представился военный. Его глаза, светлые и пустые, скользнули по малиновому пиджаку, по золотой цепи, по лицу Толяна, не выразив ничего, кроме усталости. — Оружие уברי. В общественном месте находимся.

Толян машинально убрал руку от кобуры. Не потому что испугался — он и не таких ломал — а потому что от этого «дяди» веяло чем-то таким... настоящим. Железным.

— А вы, товарищ, — Сержант повернулся к Неформалу, — ноги со стола уберите. И не курить. Воздуха и так мало.

Егор хмыкнул, пряча сигарету за ухо.

— Да я бы с радостью, начальник. Только тут воздуха вообще нет. Мы в консервной банке.

— Проверим, — отрезал Сержант.

В этот момент вагон наполнился звуком.

Др-р-р... Так. Так. Др-р-р...

Толян дернулся, оглядываясь.

В самом углу, у окна, сидел мальчик. Лет десяти, не больше. Белая рубашка, синие шортики, красный галстук на шее завязан идеальным узлом. Он сидел с прямой спиной, глядя перед собой остекленевшим взглядом.

В руках у него были деревянные палочки. Он выбивал ими дробь по разохшемуся подоконнику.

Сложный, ломаный ритм. Слишком громкий в этой тишине.

— Эй, пацан! — крикнул Толян, у которого от этого стука снова заболела голова. — Харэ долбить! Голова трещит.

Мальчик не повернулся. Он даже не моргнул.

Так-так-так. Др-р-р...

— Цирк уехал, клоуны остались, — сплюнул Толян на грязный пол. — Куда я попал, в натуре? Дурдом на выезде?

— Двери в хвост заблокированы, — сухо сказал Сержант, дернув ручку тамбурной двери за своей спиной. — Я проверил. Заклинено намертво.

— И чё делать?

— Вперед идти, — военный кивнул на дверь в противоположном конце вагона. Сквозь мутное стекло там виднелся какой-то отблеск. — Проверить состав. Найти начальника поезда. Выяснить маршрут.

Сержант поправил ремень с пустой кобурой и, не оглядываясь, пошел по проходу, грохоча сапогами.

Егор подмигнул Толяну, спрыгнул с лавки и, сунув руки в карманы, двинулся следом, насвистывая какую-то мелодию.

Толян остался один.

Точнее, не один.

Др-р-р... Так.

Мальчик продолжал барабанить, глядя в серую муть за окном.

— Да ну нахер, — пробормотал Толян.

Оставаться наедине с этим пацаном почему-то было страшнее, чем идти с ряженым солдатом.

Браток поправил пиджак, проверил, легко ли ходит ствол в кобуре, и быстрым шагом направился за остальными, стараясь не смотреть на маленькую фигурку в красном галстуке.

Тамбур встретил их ледяным сквозняком и грохотом.

Пол под ногами ходил ходуном. Железные плиты скрежетали, трудясь друг о друга, как челюсти голодного зверя. Сквозь щели в гармошке перехода свистел ветер, неся с собой запах гари и чего-то сладковатого, гнилостного.

Сержант с трудом открыл тяжелую тугую дверь в следующий вагон, навалившись плечом.

— Не отставать, — бросил он через плечо.

Они шагнули в другую эпоху.

Здесь было тише. Грохот колес тонул в ковровых дорожках, которые когда-то были бордовыми, а теперь стали цвета засохшей крови. Пахло нафталином, старыми духами «Красная Москва» и, почему-то, больницей — резкой, стерильной хлоркой.

Свет здесь не мигал. Он горел ровно, но тускло, отбрасывая длинные тени от бархатных подголовников кресел. Это был старый вагон-салон, переделанный под купе, но двери купе были распахнуты настежь.

Сержант остановился так резко, что Толян едва не врезался в его спину.

— Опа... — выдохнул Браток, выглядывая из-за плеча военного. — А тут у нас что?

Прямо у входа, заняв стратегическую позицию на откидном сиденье, сидел человек.

На вид — глубокий старик. Серая щетина, изрезанное глубокими морщинами лицо, землистая кожа. Но одет он был странно: выцветшая до белизны «песчанка» — полевая форма, совсем не похожая на ту, что носил Сержант. На ногах — сбитые синие кроссовки, заматанные изолентой.

Старик не спал. Он курил — точнее, жевал незажженную сигарету, перекатывая фильтр в углу рта.

На его коленях лежал автомат. Потертый, с обмотанным розовым жгутом прикладом.

Дуло смотрело точно в живот Сержанту.

Секунду они смотрели друг на друга.

Молодой парень в форме 43-го года и старик в «афганке» 80-х.
Сержант медленно убрал руку от своей кобуры, показывая пустые ладони.
— Свои, — коротко сказал он.

Старик в «афганке» сощурился. Его взгляд метнулся по петлицам Сержанта, задержался на ППШ, потом скользнул по малиновому пиджаку Толяна.

— Свои дома сидят, — голос у старика был хриплый, прокуренный. — А здесь попутчики.

Он опустил ствол, но палец со спусковой скобы не убрал.

— Дальше хода нет, — кивнул он назад, в тамбур, из которого пришел сам. — Там закрыто. Я проверял. Заварено наглухо.

— А мы вперед идем, — сказал Сержант, проходя мимо.

Группа двинулась по коридору. Толян старался держаться подальше от «деда» с автоматом. Ему очень не понравились глаза этого старика. Пустые. Как у мертвой рыбы.

В середине вагона, в одном из полуоткрытых купе, сидели еще двое.

Девушка в красном спортивном костюме сжалась в комок в углу дивана. Она обхватила колени руками, словно пытаясь закрыться от всего мира. Из-под манжет и штанин выглядывали грязные, потемневшие бинты. Её била крупная дрожь.

Напротив неё, закинув ногу на ногу, сидел мужчина в интеллигентном костюме, поверх которого был наброшен грязный медицинский халат.

Он не смотрел на вошедших. Он смотрел на девушку. Пристально. Изучающе. Как смотрят на лягушку перед вскрытием.

— У вас интересное строение голеностопа, милочка, — произнес он мягким, вкрадчивым голосом. — Судя по углу изгиба, связки были порваны неоднократно. Неужели не больно?

Девушка всхлипнула и отшатнулась еще дальше, вжимаясь в обивку сиденья.

— Я могу посмотреть, если хотите, — мужчина потянулся к ней рукой в желтой резиновой перчатке. — Чисто профессиональный интерес...

— Эй, лепила! — гаркнул Толян, чувствуя, как у него самого мурашки поползли по спине от этой сцены. — Руки убрал!

Мужчина в халате медленно повернул голову. Его лицо было бесстрастным.

— Коллеги? — спросил он без тени иронии. — Или пациенты?

— Пассажиры, — буркнул Егор-Неформал, проходя мимо и утягивая за собой Пионера, который застыл, глядя на бинты девушки.

— Не густо тут, — пробормотал Толян, оглядываясь. — Пустовато.

— Не пусто, — тихо сказал Афганец, который неслышно подошел сзади. — Вон там.

Он кивнул на темный угол в конце коридора, возле титана с водой.

Сначала показалось, что там просто навалена куча тряпья. Но «куча» зашевелилась.

Из тени отделилась фигура. Женщина в ватной душегрейке и платке, повязанном низко на лоб. Она стояла абсолютно неподвижно, сливаясь с обшивкой вагона. Руки были спрятаны в широкие рукава.

Когда свет упал на её лицо, она улыбнулась. Рот был полон золота и железа.

— Вечер в хату, — проскрипела она. Голос был похож на звук ножа по стеклу. — А я уж думала, одна тут куковать буду. А тут вон... фраера потянулись. Жирненькие.

Толян инстинктивно прикрыл рукой золотую цепь на шее. Эта бабка пугала его больше, чем автоматчик. От неё веяло зоной. Той самой, настоящей, где его малиновый пиджак стоил бы ровно столько, сколько стоит тряпка для пола.

— Собираемся, — скомандовал Сержант, оглядывая разношерстную компанию. — Здесь оставаться нет смысла.

— А куда идти-то, командир? — подал голос Доктор, надевая очки. — В хвосте тупик.

— В голове свет, — ответил Афганец. — Ресторан там. И там кто-то ходит. Я тени видел через стекло.

— Ресторан — это дело, — оживился Толян. — Хоть горло промочить.

Гимнастка, увидев, что Доктор отвлекся, пулей выскочила в коридор и пристроилась за спиной Афганца, инстинктивно ища защиту у того, у кого было оружие. Глеб покосился на неё, но прогонять не стал.

— Ну, веди, пехота, — сказал он Сержанту.

— Пехота — царица полей, — беззлобно огрызнулся Василий и толкнул следующую дверь.

За ней был мягкий, желтый электрический свет и звон стекла.

Дверь распахнулась, впуская группу в оазис желтого, болезненно-уютного света.

По сравнению с предыдущими вагонами здесь казалось почти тепло. Пахло не землей и хлоркой, а чем-то домашним, советским: прогорклым маслом, щами и пыльными коврами. Вдоль стен тянулись столики, накрытые скатертями с бахромой. На каждом горела лампа под зеленым абажуром, создавая островки света в полумраке.

Но идиллия была обманчивой.

Первым, что бросилось в глаза, был мужичок в ядовито-фиолетовом пуховике. Он сидел за ближайшим столиком, вжав голову в плечи. Перед ним стояла пустая тарелка со следами жира.

При виде вошедших мужичок дернулся, будто его ударили током, и судорожным движением смахнул что-то со стола в свою необъятную клетчатую сумку. Молния взвизгнула, как прищемленная крыса.

— Опа-на... — прошипела Мурка, выплывая из-за спины Сержанта.

Зечка двигалась бесшумно, как тень. Она мгновенно оценила ситуацию: бегающие глазки мужичка, жирные пальцы, крошки на подбородке.

— А ты, милоч, я погляжу, времени зря не терял, — её голос сочился ядом. — Пока народ по вагонам мыкается, ты уже пайку в одно рыло приговорил?

Мужичок — Спекулянт — вскочил, прижимая сумку к животу. На его голове нелепо сидела ондатровая шапка.

— Я... я ничего! — зачистил он, облизывая губы. — Я только зашел! Тут пусто! Никого нет, и еды нет! Я сам голодный!

— Да у тебя на морде написано, что ты крыса, — сплюнул Толян, подходя ближе. — А ну, покаж баул.

— Не имеете права! Частная собственность! — взвизгнул Спекулянт, пятась к барной стойке.

— Отставить мародерство, — голос Сержанта перекрыл шум перепалки. Военный смотрел не на Спекулянта. Он смотрел в центр вагона.

Там, занимая собой сразу два места, сидел Гигант.

Человек-гора. На нем была грязная, пропотевшая рубаха, закатанная по локоть. Руки — черные от въевшейся угольной пыли, толщиной с ноги нормального человека — покоились на столешнице. Он сидел абсолютно неподвижно, глядя в одну точку. Казалось, он спит с открытыми глазами. Или умер сидя.

Его присутствие давило физически. Рядом с ним даже Браток казался мелким хулиганом.

В дальнем углу, у окна, бормотала какая-то старуха в платках, истово крестя темное стекло. А у зеркала в конце вагона стоял еще один — в белом, но уже изрядно заляпанном костюме. Он то снимал, то надевал черные очки, и его руки тряслись так, будто он играл на невидимом пианино.

В вагоне стало тесно. Тринадцать человек. Тринадцать пар глаз.

Они смотрели друг на друга, и напряжение росло с каждой секундой. Стук колес, казалось, стал громче, заполняя паузы в дыхании.

Посреди прохода метался еще один персонаж — сутулый мужчина в драповом пальто и нелепом шарфе. Он хватал со столов меню, салфетки, перебирал какие-то бумаги.

— Безобразия... Полное безобразие... — бормотал он, поправляя очки с треснувшей линзой. — Ни расписания, ни маршрутного листа. Я буду жаловаться в Министерство!

Он налетел на Сержанта, ойкнул и поднял голову. Его взгляд, увеличенный толстыми линзами, уперся в погоны военного.

— Товарищ лейтенант... простите, сержант... Вы не знаете, почему мы не останавливаемся? У меня архив горит, мне в Москву нужно...

Вдруг он замер.

Вениамин Петрович (так звали Интеллигента) моргнул. Он протянул дрожащую руку и коснулся петлицы на гимнастерке Сержанта.

— Позвольте... — прошептал он. — Гимнастерка образца сорок третьего года. Воротник-стойка. Погоны полевые... Где вы это взяли? Это же музейная редкость.

Сержант нахмурился, отстраняя руку.

— Форма одежды уставная. Выдана старшиной неделю назад.

— Неделю назад? — голос Интеллигента дрогнул. — В каком году?

Он резко обернулся. Его взгляд заметался по толпе.

Он увидел Неформала Егора. Джинсовку с надписью «ГрОб».

— "Гражданская Оборона"... Летов... Это же восемьдесят четвертый, не раньше...

Он увидел Пионера Витю. Красный галстук, значок «Всегда готов».

— Семидесятые... Застой...

И, наконец, он увидел Толяна. Малиновый пиджак. И черный пластиковый кирпичик на поясе.

— Пейджер... — выдохнул Вениамин Петрович, отступая, пока не уперся спиной в барную стойку. — Это девяностые. Мобильная связь.

В вагоне повисла звенящая тишина. Даже Спекулянт перестал шуршать сумкой.

Интеллигент сполз по стойке, обхватив голову руками.

— Этого не может быть. Это физически невозможно. Мы не можем быть здесь одновременно. Вы... вы из сорок третьего. А он — из девяносто шестого. Между вами полвека! Полвека разницы!

Толян почесал затылок, глядя на пейджер.

— Слышь, профессор, ты чё несешь? У меня стрелка была час назад. В девяносто шестом. Какой сорок третий? Дед, ты чё, реально с войны?

Сержант молчал. Он смотрел на свои руки. Потом на Афганца, который стоял у двери, прислонившись к косяку. На его выгоревшую, но явно современную форму.

— Я погиб, — вдруг тихо сказал Сержант. — В сорок третьем. Под Харьковом. Нас накрыло минами.

Он поднял глаза. В них не было страха, только безмерная усталость.

— Я помню землю. Вкус земли во рту.

Гимнастка Лена всхлипнула.

— И я... — прошептала она. — Метро. Поезд. Я шагнула...

Неформал Егор нервно хохотнул, чиркая пустой зажигалкой.

— Ну вот и приехали. Клуб анонимных покойников. А я думал, просто передоз.

— Типун тебе на язык, гнида! — рявкнул Толян, резко вскакивая со стула. Его лицо пошло красными пятнами. — Ты за себя говори, наркоман чертов! Я живой!

Он судорожно схватил себя за запястье, вдавливая толстые пальцы в плоть, пытаясь нащупать пульс.

— Бьется! Слышите? Тук-тук! И потею я, как конь. Покойники не потеют! Я, может, просто в отключке. Контузило, вон как того служивого...

— Тело помнит, душа забыла, — прошамкала Агафья из своего угла. Она перестала крестить окно и теперь смотрела на Братка своим бельмом. — Не в отключке ты, милоч. На суде мы. Чистилище это. Мытарства начались.

— Молчи, старая! — огрызнулся Толян, но руку с пульса не убрал. В его глазах плескался животный страх.

Гимнастка Лена медленно подняла голову. По её щекам текли слезы, размазывая тушь.

— А ноги болят... — прошептала она, сжимая коленки так, что побелели костяшки. — Если мы умерли, почему так больно? Мама говорила, смерть — это покой. А мне больно... Хуже, чем раньше.

— Покой — это литературный миф, — холодно заметил Костоправ. Он снял очки и начал протирать их полой грязного халата, глядя на Лену с профессиональным, почти хищным интересом. — Нервная система умирает последней. Фантомные боли могут преследовать сознание вечно. С медицинской точки зрения, мы, вероятно, находимся в терминальной стадии агонии. Субъективное время растянулось. Мозг генерирует галлюцинации, чтобы защититься от неизбежного небытия.

— Галлюцинации... — Интеллигент Вениамин Петрович истерически хихикнул, сползая по барной стойке. — Галлюцинации с пейджерами и орденами Отечественной войны... Коллективное бессознательное... Мы в аду. В историческом аду!

Стахановец Прохор, молчавший всё это время, вдруг тяжело ударил кулаком по столу. Посуда звякнула.

— Мертвые не устают, — пророкотал он голосом, похожим на скрежет жерновов. — А я устал. Руки гудят. Значит, смена не кончилась. Работать надо. А не языком чесать.

Тишина после его слов стала еще тяжелее. Каждый услышал в этом приговоре что-то свое: бесконечную боль, бесконечную войну или бесконечную смену.

— Так куда мы едем-то? — взвизгнул Спекулянт, вжимаясь в свои баулы. — Если мы... того... То куда мы едем?!

Все посмотрели в окна.

Там, за мутным стеклом, клубилась серая, бесформенная мгла. Ни деревьев. Ни звезд. Ни солнца.

Афганец Глеб, который до этого молчал, выплюнул жеваную сигарету на пол.

— Никуда, — сказал он, и его голос прозвучал как приговор. — Мы никуда не едем. Мы просто... здесь.

И в этот момент пол ушел у них из-под ног.

Визг тормозов ударил по ушам, словно ножом по стеклу.

Инерция, которая до этого лишь слегка покачивала вагон, превратилась в чудовищную силу. Состав не просто тормозил — он вгрызлся колесами в полотно, пытаясь остановиться мгновенно.

Люди посыпались, как кегли.

Толяна швырнуло на Интеллигента, впечатав того в стену. Послышался хруст — то ли очков, то ли ребер.

Спекулянт Аркадий с визгом проехался на животе по ковровой дорожке, но даже в падении не выпустил свои клетчатые баулы, вцепившись в них мертвой хваткой.

Графины с водой на столах лопнули одновременно, осыпав скатерти осколками и залив пол мутной жижей. Лампы под зелеными абажурами бешено раскачивались, отбрасывая рваные, пляшущие тени.

Только Стахановец остался недвижим. Он лишь широко расставил ноги в тяжелых ботинках и уперся огромными ладонями в столешницу. Дерево стола жалобно затрещало, но выдержало. Гигант сидел, как скала посреди шторма.

— Держись! — крикнул Афганец, хватаясь за косяк двери свободной рукой.

Скрежет металла стал невыносимым. Казалось, поезд сходит с рельс, сдирая обшивку о бетонные стены.

Последний, самый сильный толчок сбил с ног даже Сержанта.
И всё стихло.

Тишина навалилась мгновенно, ватная и плотная. Исчез стук колес. Исчез свист ветра. Осталось только тяжелое, остывающее потрескивание корпуса вагона и прерывистое дыхание людей.

— Приехали? — прошептала Гимнастка, поднимаясь с пола и отряхивая колени.
— Походу... — Толян сплюнул, ощупывая разбитую губу.

Все головы повернулись к окнам.

Серая муть, что сопровождала их всю дорогу, изменилась. Теперь туман за стеклом был густым, болезненно-желтым, словно старый синяк. Он клубился, прижимаясь к стеклам.

Но сквозь него проступали силуэты.

Сначала показалось, что это деревья. Но присмотревшись, Интеллигент ахнул и прижал ладонь ко рту.

Это были не деревья.

Вдоль путей, накренившись, лежа на боку или вздыбившись к небу, громоздились остовы других вагонов. Ржавые, обгоревшие, с провалившимися крышами. Паровозы с развороченными котлами. Электрички с выбитыми стеклами.

Бесконечное кладбище поездов, уходящее в желтую мглу.

— Мать Божья... — прошамкала Деревенская, осеняя себя крестом. — Могильник. Железный могильник.

В этот момент ожило радио над барной стойкой.

Динамик хрипнул, выплюнул порцию статического шума, и сквозь треск пробился женский голос. Равнодушный, металлический, тот самый, что объявлял остановки в метро или на вокзалах далекого прошлого.

«Станция Сортировочная. Поезд дальше не идет. Просьба освободить вагоны».

Щелчок. И снова тишина.

Никаких «Конечная». Никаких «Спасибо, что воспользовались нашими услугами». Просто факт. Вас высаживают.

Сразу после слов диктора по всему составу прошел тяжелый вздох пневматики.

Пш-ш-ш...

Двери вагона-ресторана — те, что вели не в тамбур, а прямо на улицу — дрогнули. Механизм, заедавший от ржавчины, натужно завыл. Створки начали медленно, рывками разъезжаться в стороны.

В вагон пополз холод.

Это был не просто зимний мороз. Это был холод небытия, пахнувший озоном, креозотом и сырой, разрытой землей. Желтый туман лениво перевалил через порог, облизывая ботинки стоящего ближе всех Афганца.

Глеб попятился, вскидывая автомат.

— Ну что, попутчики... — хрипло сказал он. — Вылезай, приехали.

Сержант Василий поднялся с пола. Он поправил сбившуюся гимнастерку, надвинул пилотку на лоб. Привычным движением он передернул затвор своего ППШ.

Клац.

Звук был сухим. Магазин был пуст, и Василий знал это. Но рукам нужно было вспомнить работу. Это успокаивало.

Он обвел взглядом замершую толпу — бандита, бабку, перепуганного интеллигента, ребенка с барабаном.

— В вагоне оставаться нельзя, — твердо сказал он. — Замерзнем. Или дождемся тех, кто эти поезда, — он кивнул на окно, — в утиль списал.

Он шагнул к открытым дверям, в желтую муть.

— На выход. По одному. Не отставать.

Первым в туман шагнул Сержант. За ним, проверив нож, скользнул Афганец.

Поезд «Светлое Будущее» замер, превратившись из тюрьмы в холодный склеп. Начинаясь Сортировка.

Глава Вторая: Железный Погост

Первым, что встретило их снаружи, был холод.

Он не имел ничего общего с зимним морозом или осенней сыростью. Это был мертвый, химический холод, который мгновенно пробивал одежду, впивался в кожу тысячами ледяных игл и оседал в легких привкусом ржавчины.

Сержант Василий спрыгнул с подножки вагона первым. Его сапоги с хрустом вошли в насыпь. Под ногами была не земля, а смесь черного щебня, угольной пыли и какого-то мелкого, белого крошева, подозрительно напоминающего дробленые кости.

— Чисто, — выдохнул он, и облако пара тут же растворилось в грязно-желтом тумане.

За ним начали спускаться остальные.

Гимнастка Лена, едва коснувшись земли, обхватила себя руками. Её тонкий спортивный костюм для этого места был все равно что бумага. Зубы девушки выбили дробь.

— Господи, как холодно... — прошептала она, синяя на глазах.

Человек в «афганке», спрыгнувший следом, окинул её быстрым, оценивающим взглядом. Он ничего не сказал. Просто развернулся и шагнул к ближайшему сугробу, из которого торчал кусок брезента.

Он рванул ткань на себя. Под брезентом оказался скорчившийся, вмерзший в лед труп в железнодорожной шинели. Лица не было — его, кажется, обглодали.

Военный в «афганке», не морщась, стянул с мертвеца шинель. Ткань хрустнула, отрываясь от тела.

— На, — он бросил тяжелую, воняющую мазутом одежду Лене. — Надевай. Брезговать потом будешь.

Интеллигент, спустившись вниз, тут же споткнулся о что-то железное. Он поправил разбитые очки и наклонился.

Это была ржавая, погнутая табличка, наполовину ушедшая в грунт.

— «МОСКВА — ...» — прочитал он вслух, проводя пальцем по выбитым буквам. Второе слово было словно выжжено кислотой. — Мы на узловой станции... Но какой?

Туман, до этого плотно окутывавший состав, вдруг дрогнул. Порыв ледяного ветра разорвал желтую пелену, и перед пассажирами открылась панорама, от которой даже у Братка в малиновом пиджаке пересохло в горле.

Они стояли не просто на путях. Они стояли в ущелье.

Слева и справа, насколько хватало глаз, громоздились горы металла. Это были поезда. Тысячи вагонов — теплушки времен Гражданской, пассажирские купейные семидесятых, современные цистерны — были свалены в кучи, нагромождены друг на друга, спрессованы чудовищной силой.

Они напоминали скелеты гигантских зверей, брошенные гнить под свинцовым небом, которого почти не было видно за смогом.

Тишина здесь была абсолютной. Ни птиц. Ни гудков. Только скрип оседающего металла где-то вдали.

— Железный Погост... — пробормотала Старуха в платках, крестясь мелкой дрожью. — Ад это, милочки. Самый настоящий.

— Отставить панику, — голос Сержанта прозвучал резко, возвращая людей в реальность. — Нам нужна связь. Или карта. Или хотя бы понимание, где мы.

Он поднял руку, указывая вдаль.

Метрах в пятистах, сквозь частокол ржавых ферм и колесных пар, светился тусклый желтый огонек. Он горел на вершине кирпичной башни, похожей на голову циклопа.

— Диспетчерская, — определил Сержант. — Там свет. Значит, есть генератор. Возможно, телефон.

— Далеко, — прищурился военный в «афганке», оценивая дистанцию. — И местность дрянная. Лабиринт.

— Идти всем табором нельзя, — решил Сержант. — Замерзнем, пока дойдем, или ноги переломаем. Нужна разведка.

Он обвел взглядом группу, оценивая каждого не как человека, а как боевую единицу.

— Я иду старшим. Ты, — он кивнул на «афганца». — Пехота, так? Автомат держишь уверенно. Пойдешь замыкающим.

Тот молча кивнул, перехватив АК поудобнее.

— И ты, — Сержант задрал голову, глядя на угольного Гиганта, возвышающегося над толпой. — Рабочий. Сила у тебя немереная, пригодится, если завалы разгрести придется. Как звать-то тебя, богатырь?

Гигант медленно повернул голову. Его глаза на черном лице казались белыми провалами.

— Прохор, — прогудел он, и звук был похож на скрежет камней.

— Добро, Прохор. Ты с нами.

Сержант повернулся к остальным:

— Остальные — ждать здесь. Искать дрова, утепляться. От вагона ни на шаг.

— Э, командир! — Браток шагнул вперед, поправляя малиновый пиджак, который смотрелся на этом фоне нелепым пятном. — А чё это я в тылу сидеть буду? С бабками и психами?

Он покосился на Пионера, который стоял совершенно неподвижно, сжимая барабанные палочки, и смотрел в туман немигающим взглядом.

— Я с вами, — твердо сказал Браток, похлопав себя по оттопыренному карману, где лежал пистолет. — У меня ствол. И вообще... может, там в башне сейф есть. Или жратва.

Сержант посмотрел на него, потом на его тонкие лакированные туфли, уже покрывшиеся угольной пылью.

— Отстанешь — ждать не будем, гражданин.

— Не бойсь, начальник. Я быстрый. Толян я.

Спутник в «афганке» молча передернул затвор автомата, проверяя патрон в патроннике.

— Выдвигаемся, — бросил он хрипло. — Пока туман снова не лег.

Четверка отделилась от группы и шагнула в лабиринт искореженного железа, оставляя остальных жаться к боку остывающего Поезда.

Оставшись одни, «тыловые» сбились в кучу у подножия вагона. Холод здесь ощущался иначе — он был липким, неподвижным. Туман глушил звуки, создавая иллюзию, что они последние живые существа во вселенной.

Интеллигент Вениамин Петрович сидел на чемодане, обхватив голову руками, и раскачивался из стороны в сторону, бормоча что-то про исторические параллели. Деревенская Агафья деловито собирала щепки и куски угля прямо с насыпи, пытаясь соорудить костерок. Гимнастка Лена, закутанная в чужую, воняющую мертвечиной шинель, просто смотрела в одну точку.

Но двое из этой компании не собирались мерзнуть без дела.

Аркадий, Спекулянт в фиолетовом пуховике, бочком отошел от группы. Его маленькие глазки бегали, сканируя местность. Инстинкт, выработанный годами челночного бизнеса, кричал: «Где смерть — там бесхозное добро».

Он заметил сугроб странной формы метрах в двадцати, у колесной пары соседнего, давно сгоревшего состава.

Оглянувшись на остальных (никто не смотрел), Аркадий семенящим шагом направился туда.

Это был труп. Не свежий, как тот, с которого сняли шинель, а старый. Высохшая мумия в лохмотьях, вмерзшая в лед.

— Прости, браток, тебе уже без надобности, — прошептал Аркадий, привычно ощупывая карманы мертвеца.

Пусто. Пусто. Мусор.

Пальцы наткнулись на что-то бумажное во внутреннем кармане истлевшего кителя.

Аркадий вытянул находку.

Это была пачка серых, шершавых бумажек, перехваченных резинкой. На вид — макулатура. Но Аркадий поднес их к глазам. На бумаге не было цифр номинала. Только странные, расплывающиеся печати: изображение буханки хлеба, патрона, капли крови.

Талоны.

Он не знал, что это. Но его внутренняя «чуйка» взвыла сиреной: ЭТО ВАЛЮТА. В этом мире, где рубли стали бумагой, эти серые листки чего-то стоили.

Аркадий судорожно, трясущимися руками начал распихивать пачку: часть в носок, часть в трусы, часть в потайной карман пуховика.

— Бог велел делиться, фраерок.

Голос прозвучал прямо над ухом. Тихий, скрипучий, как ржавая петля.

Аркадий подпрыгнул, но тут же замер. В его бок, прямо сквозь пуховик, уперлось что-то острое и твердое.

Мурка. Зечка стояла за его спиной. Он даже не слышал, как она подошла по хрустящему щебню.

— Ты чё, мать... Я ничего... — заблеял он.

— Не лечи горбатого, — Мурка не улыбалась. Её лицо, похожее на печеное яблоко, было жестким. — Я видела. Скидывай на общак. Или я тебе ливер проткну. Тут, сам видишь, законов нет. Спишут на несчастный случай.

Аркадий сглотнул. Он понял, что она не шутит. Эта старуха перережет ему глотку за пачку макулатуры и глазом не моргнет.

Он дрожащей рукой достал из кармана ту часть пачки, которую не успел спрятать в трусы.
— Вот... Половина. Честно, мать. Больше нет.

Мурка ловким движением, похожим на фокус, выхватила талоны. Острое давление в боку исчезло.

— Живи пока, коммерс, — она подмигнула ему, сверкнув железным зубом. — Но помни: я за тобой гляжу. Крысятничать в моем бараке не дам.

Пока мародеры делили добычу, человек в белом костюме бродил в стороне от поезда, словно лунатик.

Аллан Чумак, бывший экстрасенс всесоюзного масштаба, не чувствовал холода. Его трясло от другого.

Он снял черные очки, и мир преобразился.

Для всех остальных здесь был туман и железо. Для Аллана воздух был исчерчен пульсирующими нитями. Он видел следы. Боль, страх, смерть — здесь они имели цвет и запах.

Его левый глаз, неестественно скошенный к виску, дергался в глазнице, живя своей жизнью. Он тянул Аллана вперед, к Голове Поезда.

— Там... — шептал Аллан, облизывая пересохшие губы. — Там фонит... Сильно фонит...

Он обошел массивные колеса Локомотива.

Здесь, у подножия гигантской машины, снег растаял, превратившись в черную жижу. От металла все еще исходил жар.

И в этой жиже, прямо у подножия лесенки, ведущей в кабину, лежал человек.

Он лежал на спине, раскинув руки. Его грудная клетка была вывернута наружу, словно внутри него взорвалась граната, но кожа была целой. Ребра торчали неестественными углами под свитером.

Лицо мертвеца застыло в гримасе предельного напряжения.

Аллан опустил на колени прямо в грязь. Его белые брюки мгновенно почернели, но ему было плевать.

Левый глаз Аллана бешено вращался. Он видел, что в нагрудном кармане мертвеца что-то лежит. Предмет, который светился холодным, синим светом знания.

Аллан протянул руку и вытащил дешевый блокнот в клеточку, пропитанный кровью.

Он открыл его. Страницы слиплись. Почерк был мелким, дерганным, с множеством зачеркиваний.

«...плата берется из тела. Материя — Зеленый. Разум — Синий. Боль — Красный...»

«...чтобы открыть, нужно состарить. Чтобы убить, нужно отдать целостность...»

Буквы прыгали перед глазами, вызывая тошноту, но смысл просачивался в мозг, как яд. Это была инструкция. Мануал к реальности, в которой они оказались.

— Обмен... — выдохнул Аллан, прижимая блокнот к груди. — Всё это — просто обмен.

Он поспешно спрятал блокнот во внутренний карман пиджака и надел очки. Мир снова стал серым и тусклым.

Аллан оглянулся. Никто не видел его находки.

Теперь он знал больше, чем они. А знание в этом месте — это власть. И проклятие.

Туман здесь был другим. Густым, слоистым, он клубился у земли, скрывая то, что лежало под ногами, по колено. Идти приходилось почти на ощупь, ориентируясь на темные громады, выплывающие из мглы.

Это было похоже на сюрреалистический музей под открытым небом, который разбомбили с воздуха.

Сержант Василий шел первым, держа автомат наизготовку. Справа из тумана выплыла гигантская бетонная рука, сжимающая факел. Самой статуи не было — только рука, торчащая из кучи ржавых колесных пар. Слева, накренившись, лежала голова вождя мирового пролетариата размером с малолитражку. Бетонный нос был отколот, а из пустой глазницы рос кривой, черный куст арматуры, похожий на терновый венец.

— Ну и местечко... — просипел Толян, нервно оглядываясь. Он держал свой ТТ двумя руками, направляя ствол то на кучи мусора, то на статуи. — Чисто Парк Горького после побоища. Эй, Ильич, как жизнь молодая?

Он пнул бетонную щеку вождя лакированной туфлей. Звук вышел глухим, неприятным. Эхо не затихло сразу, а покатилося по лабиринту, отражаясь от металла странным, искаженным гулом.

— Тихо! — шикнул Глеб с замыкающей позиции.

Афганец остановился и присел на корточки. Он разгреб сапогом слой угольной пыли и снега.

— Командир, глянь.

Сержант подошел. На грязи четко отпечатался след.

Это была босая нога. Человеческая, с пяткой и пальцами. Вот только пальцы были неестественно длинными, широко расставленными, как у обезьяны, и заканчивались глубокими рытвинами в мерзлой земле — следами от когтей.

— Размер сорок пятый, не меньше, — оценил Глеб, хмурясь. — И он тут не один прошел. Целая цепочка.

— Люди? — спросил Толян, чей голос дрогнул.

— Были когда-то, — Глеб поднялся, стряхивая грязь с колена. — Теперь — звери. Нас пасут, батя. Они знают, что мы здесь. Держите сектора.

Группа двинулась дальше, сжавшись в плотный клубок. Напряжение можно было резать ножом. Каждый шорох, каждый скрип оседающего металла заставлял их вздрагивать.

Только Стахановец Прохор шел спокойно.

Он не смотрел по сторонам, не озирался на статуи. Он шел, словно ведомый невидимым магнитом. Его огромная фигура в грязной рубахе двигалась с неотвратимостью ледокола.

Внезапно он остановился.

Они вышли к завалу. Путь преграждала груда искореженных рельсов и шпал, в центре которой торчала покосившаяся статуя Рабочего и Колхозницы. У Колхозницы не было головы, а Рабочий лишился руки, в которой когда-то сжимал молот.

Прохор подошел к завалу вплотную.

— Ты чего встал, глыба? — зашипел Толян. — Обходи, давай!
— Тихо, — прогудел Прохор.

Гигант протянул свою черную, мозолистую руку к груде мусора у подножия статуи. Там, среди битого кирпича и арматуры, торчала рукоять. Толстая, железная труба, приваренная к массивному, ржавому бойку. Это была кувалда. Не современный инструмент из магазина, а самодельное, грубое орудие труда, которым можно забивать костыли в шпалы или крушить бетон. Весила она килограммов двадцать, не меньше. Для обычного человека — неподъемная тяжесть. Для Прохора — рабочий инструмент.

Он обхватил рукоять своей лапищей. Металл скрипнул, соприкасаясь с кожей, которая по цвету и твердости почти не отличалась от железа. Прохор потянул. С осыпающимся звоном кувалда вышла из завала. Ржавчина посыпалась с неё рыжими хлопьями.

Прохор взвесил её в руке. Легко, играючи. Он провел пальцем по бойку, словно здороваясь со старым другом.

На его лице, до этого не выражавшем ничего, кроме тупого упрямства, появилась тень эмоции. Удовлетворение.

— Инструмент, — пророкотал он. — Норма... будет.

Толян сглотнул, глядя на эту махину в руках гиганта.
— Н-да... — протянул Браток. — С такой дурой тебе и ствол не нужен.

— Движение на два часа! — резкий окрик Глеба прервал сцену. В тумане, среди бетонных обломков, мелькнула сутулая тень. Потом еще одна. Раздался звук — что-то среднее между всхлипом и рычанием.
— Уходим! — скомандовал Сержант. — К башне! Бегом!

Прохор закинул кувалду на плечо, как пушинку, и первым двинулся вперед, расчищая путь своим телом, как тараном. Теперь он выглядел завершенным. Человек и Молот слились воедино.

Дверь в башню была металлической, массивной, с облупившейся краской, на которой едва читался номер «4-Б». Замок давно превратился в единый кусок ржавчины.
— Прохор, — коротко кивнул Сержант.

Гигант шагнул вперед. Он даже не стал размахиваться кувалдой. Просто уперся плечом в дверь, навалился всем весом, и петли с визгом лопнули, вырвав куски кирпичной кладки. Дверь рухнула внутрь, подняв облако вековой пыли.

Внутри пахло затхлостью, сушеными мышами и старой бумагой. Винтовая лестница уходила в темноту.
— Света нет, — констатировал Глеб, глядя вверх. — Генератор сдох.
— Поднимаемся, — скомандовал Сержант. — Аккуратно. Ступени могут быть гнилыми.

Они поднялись на верхний ярус, в «голову» циклопа.

Круговое остекление рубки было мутным от грязи. В центре стоял пульт управления, усеянный кнопками и тумблерами. Часть приборов была разбита, из них торчали пучки проводов, похожие на засохшие вены.

За пультом сидел хозяин башни.

Диспетчер.

Это была иссохшая мумия в истлевшей железнодорожной форме. Кожа натянулась на черепе, став похожей на коричневый пергамент. Рука мертвеца лежала на телеграфном ключе, словно присохла к нему в момент последней передачи. Пустые глазницы смотрели на погасшую мнемосхему путей.

— М-да... — протянул Толян, брезгливо обходя труп. — Заждался начальник смены.

Сержант подошел к рации на стене. Пощелкал тумблером, подул в микрофон. Тишина. Даже статического треска не было.

— Связи нет. Электричества нет.

— Пустышка, — сплюнул Глеб, не отходя от входа и контролируя лестницу. — Зря шли.

Пока Сержант осматривал карты на стенах (которые рассыпались от прикосновения), Толян занялся тем, зачем пришел. Он начал выдвигать ящики железного стола.

Пусто. Карандаши. Графики за 19... год стерт. Сгнившие бутерброды.

— Ну хоть что-то должно быть, — бормотал Браток. — Сейф, записка, спирт...

Последний ящик был заперт. Толян сунул лезвие ножа в щель, нажал. Хлипкий замок хрустнул.

— Опа!

Сержант обернулся.

— Нашел оружие?

— Нет... — Толян вытащил находку и повертел её в руках с выражением глубокого разочарования на лице. — Фантик какой-то.

Это был плотный конверт из дорогой, тисненой бумаги. Внутри лежал бланк. Золотая кайма, гербовая печать из красного сургуча, витиеватый шрифт.

В этом грязном, ржавом мире предмет выглядел настолько чужеродно, словно выпал из другой реальности.

На бланке было выведено: «ЗОЛОТОЙ БИЛЕТ. КАТЕГОРИЯ "А". БЕССРОЧНО».

Толян понюхал бумагу. Пахло дорогой типографией.

— И чё это? — он поднял глаза на Сержанта. — На хрена нам эта грамота?

Василий взял билет, провел грубым пальцем по сургучу.

— Похоже на пропуск. "Категория А"... Может, для спецсоставов?

— И куда его совать? — фыркнул Толян. — Турникетов я тут не вижу. Касс тоже. Тут вообще ни души, кроме жмуrow.

— Может, в Поезде пригодится? — предположил Сержант неуверенно. — Как оплата проезда?

— Бумажкой за жизнь платить? — Толян хохотнул, но смех вышел нервным. — Ну ты, дед, даешь. Тут валюта другая должна быть. Патроны, тушенка... А этим только подтереться. Красиво, конечно, жопе приятно будет, но толку-то?

Он хотел было швырнуть билет обратно в ящик, но потом передумал и небрежно сунул его во внутренний карман пиджака.

— Ладно, возьму. Может, лохам впарю. Или костер разжечь согдится.

В этот момент Глеб, который подошел к мутному окну и протер его рукавом, резко замер.

— Свет гаси... — прошипел он.

— Чего? — не понял Толян. — Так и так не горит.

— Вниз не отвечивай! — рявкнул Афганец, отшатываясь от стекла и прижимаясь к стене. — Начальник, у нас проблемы.

Сержант подскочил к окну, глядя поверх плеча Глеба.

Внизу, в желтом тумане, который снова начал сгущаться вокруг башни, замелькали тени. Их было много. Десятки. Они двигались перебежками, прячась за колесными парами вагонов. Сутулые, быстрые силуэты.

И глаза.

Сотни тусклых желтых огоньков, которые медленно сжимали кольцо вокруг единственного выхода из башни.

— Гости, — констатировал Глеб, снимая автомат с предохранителя. — Обложили, суки. Грамотно обложили.

— Много? — Сержант перехватил ППШ.

— До хрена. И это не люди.

Толян побледнел, его рука метнулась к ГТ.

— И чё делать? Мы ж тут как в мышеловке!

— Прорываться, — прогудел Прохор, поднимая свою кувалду. — Стены тонкие. Если навалятся — завалят. Надо на воздух.

Глеб посмотрел на лестницу, ведущую вниз, в темноту.

— Ну, с Богом... Или кто тут вместо него. Пошли.

Они скатились по винтовой лестнице на первый этаж, как лавина.

Внизу было темно, хоть глаз выколи. Единственный свет падал через выбитую Прохором дверь и узкие, грязные окна-бойницы — тот самый болезненно-желтый туман.

— В круг! — рявкнул Сержант. — Спина к спине!

Он не стал поднимать автомат. Магазин был пуст, а использовать ППШ как дубину в такой тесноте было неудобно. Вместо этого в его руке мелькнула саперная лопатка. Края штыка были заточены до бритвенной остроты — старая, окопная привычка.

Снаружи раздался многоголосый вой, переходящий в человеческий визг.

В проеме двери мелькнула тень. Потом еще одна.

— Лезут! — взвизгнул Толян.

Первая тварь прыгнула внутрь.

Это было существо размером с крупную овчарку, но без шерсти. Его кожа была серой, мокрой, как у слизня. Конечности были человеческими — руки и ноги, вывернутые суставами назад, чтобы бегать на четвереньках. Но самым страшным было лицо. Человеческое лицо,

перевернутое вверх ногами, с широко раскрытым в вечном крике ртом, полным игловидных зубов.

БАХ! БАХ-БАХ!

Грохот выстрелов в замкнутом пространстве ударил по ушам, как кувалда.

Толян палил с двух рук, зажмурив один глаз. Первая пуля выбила кирпичную крошку из стены, вторая ушла в потолок, но третья попала.

Голова твари лопнула, как переспелый арбуз. Черная жижа брызнула на малиновый пиджак.

— Есть! — заорал Браток, впадая в азарт. — Получи, гнида!

Он продолжал жать на спуск, посылая пули в дверной проем, не считая их.

— Экономь, дурак! — крикнул Сержант, делая выпад.

Вторая тварь, прыгнувшая через окно, напоролась горлом прямо на острие его лопатки. Василий провернул инструмент и резко дернул на себя. Хрустнули позвонки. Тварь обмякла. Движения Сержанта были скупыми, отточенными — никакой паники, только тяжелая работа по устранению живой силы противника.

Но тварей было слишком много. Они лезли через окна, через дверь, казалось, просачивались сквозь щели.

Проход шагнул вперед, закрывая собой проход.

— Мелочь... — прогудел он.

Его кувалда взлетела вверх, чиркнув по потолку, и обрушилась вниз.

Звук удара был мокрым. Одичавшего просто впечатало в бетонный пол, превратив в лепешку из костей и мяса. Стахановец работал как поршень: замах — удар, замах — удар. Он не уворачивался от укусов — зубы тварей скользили по его угольной коже, не оставляя следов.

Глеб контролировал левый фланг, под лестницей.

Он работал одиночными. Бах. Бах.

Каждая пуля находила цель. Он не тратил патроны попусту, выцеливая уязвимые места.

Но потом случилось то, чего он боялся.

На старом, изношенном «калаше», который он нашел в квартире родителей, перекосило патрон.

Глеб нажал на спуск.

КЛАЦ.

Осечка.

Он дернул затвор. Заклинило намертво. Гильзу раздуло в патроннике.

— Сука! — выдохнул он.

Из темноты под лестницей на него метнулась тень.

Крупный самец Одичавшего сбил Глеба с ног ударом когтистой лапы в грудь. Автомат отлетел в сторону.

Глеб упал на спину, ударившись затылком о ступеньку. Перед глазами поплыли круги.

Тварь нависла над ним. Из её перевернутого рта капала густая, вонючая слюна.

Глеб попытался нащупать нож, но рука скользнула по гладкому бетону.

Челюсти клацнули в сантиметре от его лица.

Страх.

Ледяной, животный ужас, который он помнил по ущелью в Панджшере. Беспомощность. «Опять? Опять сдохнуть, как баран?»

Внутри него что-то щелкнуло. Но не механизм оружия. Щелкнуло в голове.

Страх переплавился в ярость. В чистую, раскаленную ненависть к этому месту, к этому монстру, к себе.

Глеб не понимал, что делает. Он просто захотел, чтобы твари не было.

Он выбросил вперед пустую ладонь, словно пытаясь оттолкнуть воздух, и заорал. Крик шел не из горла, а откуда-то из солнечного сплетения.

Воздух перед его ладонью сгустился, став плотным, как стекло.

Вспышка красного марева.

БУМ.

Звук был похож на удар пневматического пресса.

Одичавшего не просто отбросило. Его грудную клетку вдавило внутрь с такой силой, что позвоночник вылетел через спину. Тушу швырнуло через всю комнату, размазав по кирпичной стене.

Наступила тишина. Даже остальные монстры на секунду замерли.

Глеб остался лежать на полу.

Его рука, которой он нанес удар, бессильно упала.

Боль пришла с задержкой в долю секунды.

Это была не боль от удара. Казалось, что его нервную систему подключили к оголенному проводу. Каждую мышцу свело судорогой. В глазах вспыхнули белые искры. В ушах зазвенело так, что он оглох.

Он почувствовал, как что-то теплое и мокрое хлынуло из носа, заливая губы. Лопнули капилляры.

— Глеб! — голос Сержанта пробился сквозь звон, как сквозь вату.

Сержант подскочил к нему, пинком отбрасывая труп еще одной твари, и рывком поднял Афганца на ноги.

Глеб висел на нем, как тряпичная кукла. Его трясло. Кровь из носа капала на светлую «афганку».

— Ты как это сделал, сынок? — в глазах Василия был не страх, а ошеломление. — Граната?

Глеб помотал головой, разбрызгивая красные капли. Он не мог говорить. Язык онемел.

— Отходим! — заорал Толян, вставляя новую обойму (руки у него тряслись так, что он попал только с третьей попытки). — Их там ещё до хрена!

— Прохор, дорогу! — скомандовал Сержант, перекидывая руку Глеба через свое плечо.

Стахановец шагнул в проем, раскручивая окровавленную кувалду.

— Дорога... будет, — прогудел он и шагнул в туман, превращая черепа врагов в крошево.

Они вырвались наружу, в холодный, спасительный воздух Сортировочной, оставляя за спиной башню, полную трупов.

Обратный путь они помнили смутно. Это была не пробежка, а панический рывок сквозь молоко тумана.

Прохор шел замыкающим. Он не бежал — он шагал широкими, тяжелыми шагами, периодически останавливаясь, чтобы махнуть кувалдой в сторону темноты. Каждый раз оттуда раздавался влажный хруст или визг, и преследователи отставали. Гигант работал как волнорез, разбивая поток монстров.

Сержант тащил на себе Глеба. Афганец перебирал ногами, но его взгляд был расфокусированным. Кровь из носа не останавливалась, заливая подбородок и воротник куртки.

— Держись, лейтенант, немного осталось, — хрипел Василий. — Не раскисать!

Толян бежал первым. Он прижимал одну руку к сердцу (там, во внутреннем кармане, лежал Золотой Билет), а второй размахивал дымящимся пистолетом.

— Прорвались! — орал он в туман. — Видели, как я ему башку снес?! Видели?!

Из мглы вынырнул силуэт Поезда. Он казался черной крепостной стеной.

У открытых дверей вагона-ресторана уже суетились остальные.

— Сюда! Быстрее! — кричал Неформал Егор, размахивая какой-то тряпкой, как флагом.

Толян влетел в вагон первым, едва не сбив с ног Интеллигента. Следом Сержант и Косто-прав втащили полубессознательного Глеба. Последним, тяжело ступая, поднялся Прохор. С его кувалды капала черная густая слизь.

— Закрывай! — рявкнул Сержант.

Стахановец уперся плечом в створку двери. Егор и Толян навалились на вторую.

С натужным скрежетом металл сошелся. Сержант накинуд засов и для верности подпер ручку шваброй, которую кто-то нашел в подсобке.

Снаружи, в ту же секунду, что-то тяжелое ударило в борт вагона. Глухой удар, скрежет когтей по стали... и тишина. Твари опоздали.

Глеб сполз по стене на пол. Его трясло мелкой, противной дрожью.

К нему тут же подскочил Косто-прав.

— Так-так, — пробормотал он, хватая Глеба за запястье и светя ему в глаз карманным фонариком. — Зрачки расширены. Тремор. Тахикардия за двести. Нос сломан?

Он профессионально ощупал переносицу. Глеб дернулся.

— Нет, кость цела... Это сосуды. Капилляры лопнули от чудовищного внутричерепного давления. Что там произошло? Вас контузило?

Глеб оттолкнул руку врача. Он с трудом сфокусировал взгляд на своих ладонях. Они были чистыми. Никаких ожогов, никаких ран. Но он помнил ощущение, будто сквозь его вены пропустили кипяток.

— Я... — прохрипел он, сплевывая красный сгусток. — Я просто ударил.

— Да чё вы с ним возитесь?! — перебил Толян. Браток стоял посреди вагона, покрасневший, с горящими глазами. Адреналин ударил ему в голову шампанским. — Мы их сделали! Как щенков!

Он полез в карман и торжествующим жестом вытащил конверт.

— Смотрите! Вот он! Пропуск! Золотой, сука, билет!

Все замерли. В тусклом свете ламп бумага с гербовой печатью выглядела как сокровище. Надежда, осязаемая и теплая, наполнила вагон.

— Неужели... — Интеллигент потянулся к конверту дрожащими руками. — Неужели это выход?

— А то! — Толян самодовольно ухмыльнулся. — Толян порожняк не гонит. Ща поедем. Эй, начальник! — он крикнул в потолок, обращаясь к невидимому машинисту. — Принимай оплату!

Он подошел к стене, где висел коммуникатор внутренней связи.

— У нас пропуск! Категория «А»! Запускай шарманку!

Секунду ничего не происходило.

Потом свет в вагоне мигнул.

Радио над стойкой щелкнуло. Тот же бездушный женский голос произнес:

«Предъявлен проездной документ старого образца. Эмиссия тысяча девятьсот... год не установлен. Документ аннулирован».

Бумага в руках Толяна вдруг потемнела. Края свернулись, по центру пробежала черная искра. В одно мгновение красивый бланк вспыхнул без огня и рассыпался в серый пепел, который осел на малиновый лацкан пиджака.

— Чё?.. — Толян растерянно смотрел на пустую руку. — Э, вы чё?! Это ж золото было! Гербовая печать!

Голос из динамика, казалось, стал еще холоднее:

«Оплата отклонена. Валюта выведена из оборота. Для продолжения движения требуется конвертация по курсу Жизни. Баланс Топлива: ноль».

Щелчок. Тишина.

Сержант Василий медленно опустился на стул. Он снял пилотку и вытер лоб рукавом.

— Не берут они наши бумажки, — глухо сказал он. — Ни деньги, ни пропуска.

— А что берут? — тихо спросила Гимнастка Лена, кутаясь в шинель с мертвеца.

Афганец Глеб, все еще сидящий на полу, поднял на неё взгляд. Его лицо было перемазано кровью, но глаза теперь смотрели ясно и страшно.

— "Курс Жизни", — повторил он слова диктора. — Им не билет нужен. Им нужно, чтобы кто-то сдох.

За окном, в желтом тумане, загорелись десятки огоньков. Одичавшие вернулись. Они не ушли. Они просто ждали, когда консервная банка снова откроется.

Глава Третья: Курс Обмена

Эхо механического голоса, казалось, все еще висело в затхлом воздухе вагона-ресторана. «Конвертация по курсу Жизни».

Снаружи, за тонкими стальными стенами, кто-то скребся. Звук был тихим, вкрадчивым — когти по металлу. Скриииип... Скриииип...

Интеллигент Вениамин Петрович сорвал с носа очки и начал яростно протирать их полкой пальто. Его руки дрожали так сильно, что он едва не выронил оправу.

— Это... это метафора! — выкрикнул он, обводя присутствующих безумным взглядом. — Вы же понимаете? Аллегория! «Курс Жизни» означает нашу волю! Наше стремление выжить! Мы должны проявить солидарность, духовную стойкость...

— Боюсь, коллега, вы ищете смысл там, где есть только физиология, — голос Костоправа прозвучал сухо и скучно, будто он читал лекцию студентам-двоечникам.

Доктор Олег стоял у окна, изучая черный налет на стекле.

— Механизм требует топлива. Уголь кончился. Валюта обесценилась. Осталась только органика. Биомасса. Калории, если хотите. Ему всё равно, кто это будет — Эйнштейн или дворник. Ему нужно сжечь кого-то, чтобы получить джоули энергии.

— Типун тебе на язык, лепила! — взвизгнул Спекулянт, пародируя лексикон Толяна.

Аркадий уже сполз со стула и теперь сидел на корточках, пытаясь втиснуть свое рыхлое тело в пространство под столом, забаррикадировавшись сумками. Его глаза бегали от одного лица к другому, вычисляя угрозу.

Афганец Глеб молчал. Он сидел на полу, привалившись спиной к барной стойке. Кровь из носа остановилась, запекшись черной коркой над губой, но его все еще бил мелкий озноб после магического отката.

Он вытащил магазин из автомата. Пусто.

Достал нож. Провел пальцем по лезвию.

— Он прав, — хрипло сказал Глеб, кивнув на Доктора. — Платить придется. Вопрос — кто платит.

Это стало триггером.

Браток Толян, который до этого нервно ходил по проходу, вдруг остановился.

Он окинул взглядом группу.

Сержант Василий тяжело дышал, опираясь на ППШ как на костыль. Старик устал.

Глеб — контужен, еле сидит.

Огромный Прохор стоял истуканом, глядя в стену — у этого вообще мозгов нет, только мышцы.

Остальные — мясо. Бабки, дети, интеллигенты.

«Мой выход», — читалось в глазах Толяна.

Он расправил плечи, так что малиновый пиджак натянулся, и шагнул в центр прохода, демонстративно поднимая ТТ. Ствол смотрел в потолок, но намек был понятен.

— Короче! — рявкнул он, перекрывая скрежет снаружи. — Слушать сюда!

Все головы повернулись к нему.

— Раз демократия кончилась и билеты не канают, будем решать по понятиям. Мы тут застряли. И если мы не поедem, эти твари, — он мотнул головой на дверь, запертую шваброй, — нас всех сожрут. Оптом.

Он сделал паузу, наслаждаясь эффектом. Впервые с начала поездки он чувствовал себя Хозяином.

— Кто-то должен остаться. Ради общака. Ради пацанов.

Толян медленно опустил пистолет, наводя его на Интеллигента.

— Ты, очкарик? Ты ж у нас умный. Понимаешь, что ты — балласт. Толку от тебя ноль. Книжки читать и я умею.

Вениамин Петрович побледнел, вжавшись в спинку стула.

— Я... я не балласт... Я историю знаю... Я...

— Или ты? — ствол переместился в сторону стола, под которым дрожал пуховик Спекулянта.

— А может, барыгу пустим на фарш? — ухмыльнулся Толян. — Он жирный, гореть долго будет. И жратву зажилил. А, Спекуляшка? Вылезай, падла!

Аркадий заскулил, прикрываясь клетчатой сумкой как щитом.

— Не надо! У меня тушенка есть! Я поделюсь! Толян, братан, мы же договоримся!

— Поздно договариваться, — Толян взвел курок. Щелчок прозвучал в тишине как выстрел. — Я тут решаю, кто едет, а кто выходит. Считаю до трех. Добровольцы есть? Или мне самому назначить?

Он обвел безумным взглядом вагон, упиваясь властью.

— Раз...

Сержант Василий медленно оторвал спину от стены, пытаясь встать, но Толян резко навел ствол на него.

— Сидеть, дед! Твоя война кончилась. Не дергайся, а то и тебя спишем. Два...

Счет оборвался не на «три», а на звуке, от которого у всех присутствующих клацнули зубы.

Б-БАМ!

Снаружи, в борт вагона, что-то врезалось с силой стенобитного орудия. Весь состав содрогнулся, как живое существо, получившее удар под дых. Столы подпрыгнули, звякнули остатки посуды. Лампы под зелеными абажурами бешено замотались на проводах, отбрасывая мечущиеся тени.

Толян, не удержав равновесия, взмахнул руками и повалился на пол, выронив пистолет. ТТ с металлическим стуком отлетел под ближайший столик.

— Твою мать! — взвыл он, барахтаясь в ногах у Интеллигента.

Но никто не обратил на него внимания. Все взгляды были прикованы к выходу.

Швабра, которой Сержант подпер ручки дверей, изогнулась дугой. Дерево затрещало, не выдерживая внешнего давления, и с сухим треском лопнуло пополам.

Сразу же зашипела пневматика. Звук был громким, натужным, похожим на предсмертный хрип гиганта.

Пш-ш-ш-ш...

Механизм, который минуту назад казался мертвым, ожил. Створки дверей, ведущих в желтый ад Сортировочной, дрогнули и начали медленно, рывками разъезжаться в стороны. Поезд словно приглашал гостей.

— Держи! — заорал Сержант, бросаясь к проему.
Но было поздно.

В расширяющуюся щель хлынул ледяной, густой туман. Он пополз по полу тяжелыми клубами, мгновенно выстужая нагретый дыханием воздух.

А следом за туманом в вагон влетел первый Одичавший.

Тварь не вошла — она именно влетела, прыгнув с места. Серое, склизкое тело пронеслось над головой Сержанта, оттолкнулось от стены и приземлилось на ближайший стол, опрокинув лампу.

Перевернутое человеческое лицо монстра исказилось в визге.

— Огонь! — крикнул военный в «афганке», пытаясь вскочить на ноги, но тело его еще плохо слушалось после магического удара.

В проем уже лез второй монстр, цепляясь длинными пальцами-крючьями за косяк. Третий карабкался по спинам товарищей. Их было много. Желтые глаза горели в тумане, как угли.

В вагоне воцарился хаос.

Интеллигент сжался в комок, закрыв голову руками.

Гимнастка в чужой шинели закричала — тонко, пронзительно, на одной ноте.

Толян, ползая на карачках, судорожно шарил по полу в поисках пистолета, пытаясь попасть под руку сумки Спекулянта.

— Где она?! Где волына?!

Тварь, приземлившаяся на стол, не теряла времени. Она сгруппировалась, как огромная серая жаба, и прыгнула на человека в белом костюме.

Экстрасенс лежал на полу, барахтаясь в сбитой скатерти. Бежать было некуда. Смрадная пасть с иглами зубов летела прямо в лицо.

В этот момент в голове Аллана вспыхнули строчки из найденного блокнота. «Красный — это импульс. Чтобы остановить сердце, нужно отдать удар своего».

Времени на сомнения не было. Был только животный ужас, который требовал выхода.

Аллан не стал закрываться руками. Он, широко раскрыв глаза, за левым стеклом очков которых бесновался безумный зрачок, выбросил ладонь навстречу монстру. Пальцы скрючились, словно он сжимал невидимый мяч.

— Стой! — визгнул он.

Это было не слово. Это был ментальный приказ мышцам врага.

Эффект был мгновенным.

Одичавший замер в воздухе, словно налетел на невидимую стену. Его тело выгнуло неестественной дугой. Раздался влажный треск — это мышцы твари сократились с такой силой, что порвали сами себя.

Существо рухнуло на пол, бясь в эпилептическом припадке. Из его пасти пошла розовая пена.

Аллан тут же схватился за левую сторону груди и скорчился. Его лицо посерело.

— А-а-а... — простонал он сквозь зубы.

Его собственное сердце пропустило удар, а потом забилось в бешеной аритмии, отдавая тупой, кинжальной болью под лопатку. Плата за чудо. Инфаркт в миниатюре.

Тем временем второй монстр, прорвавшийся через двери, загнал в угол Интеллигента. Вениамин Петрович, потерявший очки, слепо тыкал перед собой ножкой от сломанного стула, но тварь лишь играла с ним, готовясь вцепиться в горло.

— Ишь, разгулялся, ирод... — проскрипел голос сбоку.

Старуха в платках не пряталась. Она стояла, опираясь спиной о стену, и смотрела на монстра своим бельмом. В её руке не было оружия. Она просто сложила пальцы в "кукиш" (фигу) и ткнула им в сторону зверя.

— Крути тебя, верти тебя, — зашептала она скороговоркой, вкладывая в слова всю злобу, накопленную за долгую жизнь. — Чтоб жилы твои узлом, чтоб кости твои винтом... Сохни!

Она использовала тот же Красный Спектр, но пропущенный через призму деревенского проклятия.

Тварь взвыла. Её задняя лапа с хрустом вывернулась в суставе в обратную сторону. Колено лопнуло. Монстр рухнул на бок, визжа и грызя собственную ногу, которая вдруг стала для него источником адской муки.

Агафья тяжело выдохнула и прислонилась к стене. Её скрюченные пальцы, которыми она делала «фигу», свело судорогой так, что костяшки побелели. Старуха зашипела, пытаясь размять руку, которую прострелило фантомным артритом.

— Бей их! — заорал Сержант, видя, что враги дезориентированы.

Военный подскочил к твари, которую скрутил Экстрасенс, и с размаху опустил острую лопатку ей на шею. Голова покатила по полу.

Гигант Прохор шагнул ко второму монстру, подбившему ногу от порчи бабки. Он просто поднял ногу в тяжелом ботинке и с хрустом опустил её на череп существа.

Но хаос не стихал. Третья тварь сцепилась с Афганцем, катаясь с ним по полу среди осколков. Браток Толян, наконец нашедший свой пистолет под столом, вынырнул из-под ска-терти.

Его безумный взгляд метался по вагону.

Стрелять в монстров? Страшно.

Но он увидел другое.

Мужик в фиолетовом пуховике — Спекулянт — пользуясь суматохой, полз на четвереньках к барной стойке, волоча за собой свои баулы. Он хотел забиться в самую глубокую щель.

И за ним, как тень, скользила фигура в ватнике.

Зечка.

В её руке тускло блеснула заточка. Она не смотрела на монстров. Ей было плевать на бой. Она смотрела только на спину толстяка и на его сумки.

Толян увидел это. Но вместо того, чтобы крикнуть, он лишь оскалился.

«Жрите друг друга, крысы», — читалось в его глазах. Он поднял ствол, но не для выстрела, а чтобы прикрыть свою шкуру, если кто-то дернется в его сторону.

Спекулянт Аркадий, хрипя от натуги, волок свои баулы к спасительной нише под барной стойкой. Ему казалось, что если он забьется туда и накроется курткой, этот кошмар исчезнет. Он был похож на жирную, перепуганную крысу, бегущую с тонущего корабля.

Зечка Мурка скользила следом.

Она двигалась пригнувшись, почти касаясь пола руками. В правой руке, спрятанной в рукаве ватника, была зажата заточка — остро отточенный кусок супинатора.

В её глазах не было страха перед монстрами. В них был только холодный расчет.

«Сейчас, — думала она. — Сейчас фраер застрянет. Я его под ребро — чик. И тихо. Спишем на волков. А хабар — мой».

До спины Аркадия оставалось два шага.

Мурка перехватила заточку поудобнее. Она уже видела точку удара — между лопаткой и позвоночником, чтобы сразу легкое пробить. Ни крика, ни писка.

Она сделала рывок.

В метре от неё, прижавшись спиной к деревянной панели стены, стоял Пионер.

Витя не кричал, не закрывал лицо руками. Он стоял по стойке «смирно», прижимая к груди барабанные палочки. Его голубые глаза, пустые и ясные, следили за Муркой.

Он видел нож. Он видел спину Спекулянта.

Для Вити это уравнение решалось просто.

Нарушение устава. Вредительство. Предательство.

Реакция последовала незамедлительно.

В тот момент, когда Мурка занесла руку для удара, перенося вес тела на правую ногу, Витя сделал шаг вперед.

Движение было скупым, экономным.

Он просто выставил ногу в сандалии и белом гольфе поперек её траектории. И, словно ставя точку, жестко ткнул концом барабанной палочки ей под колено.

— Нарушение, — тихо произнес он.

Мурка споткнулась.

Её глаза расширились от удивления. Инерция броска сыграла злую шутку. Ноги запутались, и она полетела вперед, но не на Спекулянта, а мимо него — в проход.

Заточка со звоном выскользнула из руки и отлетела под стол.

Зечка рухнула на ковролин, больно ударившись подбородком.

— Ах ты ж су... — начала она хрипеть, пытаясь перевернуться.

Но закончить она не успела.

Один из Одичавших — тот самый, в которого стрелял, но не попал Толян — метался по вагону, ослепленный вспышками и шумом.

Упавшая старуха оказалась прямо перед ним.

Зверь не думал. Он среагировал на движение и запах страха.

Тварь прыгнула сверху, прижимая Мурку к полу весом своего склизкого тела.

Зечка вскинула руки, пытаясь защититься, но когтистые лапы прижали их к полу.

Перевернутое человеческое лицо монстра оказалось прямо перед её лицом. Пасть распахнулась.

— Не надо... — только и успела выдохнуть она.

ХРУСТ.

Челюсти сомкнулись на горле женщины. Рывок — и кадык, вместе с куском трахеи и артерией, был вырван.

Фонтан темной, венозной крови ударил в потолок, заливая ножку стола и дрожащего под ним Спекулянта.

Мурка захрипела, суча ногами. Её руки беспомощно скребли ковер. Жизнь вытекала из неё толчками, смешиваясь с грязью на полу.

Витя, стоящий в шаге от бойни, даже не поморщился. Он аккуратно отступил назад, чтобы кровь не попала на его белые гольфы.

Аркадий, на лицо которого брызнуло горячим, замер, глядя на дергающееся тело той, кто секунду назад хотела его убить. Он перекрестился трясущейся рукой, размазывая кровь по лбу.

— Спаси... сохрани... — зашептал он, не понимая, что его спаситель — это мальчик с ледяными глазами.

Как только тело Зечки обмякло, перестав биться в конвульсиях, а темная лужа под ней растеклась, достигнув металлических накладок порога, вагон изменился.

Сначала погас свет.

На секунду наступила полная темнота, в которой слышалось только чавканье твари, пожирающей горло женщины, и тяжелое дыхание людей.

А потом, где-то в недрах состава, зародился звук.

УУУУУУУУУУУУУУУУ!

Гудок паровоза.

Но это был не предупреждающий сигнал. Это был вой сытого зверя. Громкий, вибрирующий, от которого заложило уши и задрожали стекла.

— Держись!!! — заорал Сержант, падая на колени и хватаясь за ножку привинченного к полу стола.

Пневматика дверей, которая еще минуту назад казалась мертвой и заклинившей, сработала с пугающей резкостью.

Створки дернулись и с лязгом, похожим на выстрел, сошлись вместе.

БАМ!

В проеме в этот момент находился еще один Одичавший — он как раз перелезал через порог, спеша на запах свежей крови.

Тяжелые стальные плиты ударили его с двух сторон. Раздался хруст ломаемых костей, перекрывший даже гудок. Тварь взвизгнула и лопнула пополам.

Верхняя часть туловища с головой и руками шлепнулась внутрь вагона, дергаясь в агонии. Нижняя осталась снаружи, падая на пути.

И в ту же секунду пол ушел из-под ног.

Поезд не набирал ход плавно. Он рванул с места, словно его пнули гигантским сапогом. Инерция была чудовищной.

Всех, кто стоял — Стахановца, Толяна, Афганца — швырнуло назад, в сторону хвоста поезда. Они покатались по проходу кучей малой, сбивая столы и стулья.

Монстр, который грыз Мурку, потерял равновесие. Его отбросило от тела, он проехал когтями по ковровину, врезавшись в барную стойку.

Посуда летела со стеллажей. Графины бились. Лампы мигали, разгораясь всё ярче и ярче, пока не вспыхнули ровным, желтым, электрическим светом.

Энергия пошла по жилам состава.

— Поехали... — прохрипел Интеллигент, которого вжало в спинку дивана. Он смотрел в окно расширенными от ужаса глазами.

За стеклом, набирая скорость, уплывала назад кирпичная башня Диспетчерской. Желтый туман разрывало потоками воздуха. Кладбище поездов превращалось в смазанную серую полосу.

Стук колес, поначалу неровный и сбитый, выравнивался, превращаясь в мощный, ритмичный грохот.

ТУ-ДУХ. ТУ-ДУХ. ТУ-ДУХ.

Сердце Поезда забилося. Он получил плату.

Спекулянт Аркадий, всё еще сидевший под столом рядом с трупом, посмотрел на остекленные глаза Мурки. Кровь из её шеи больше не была фонтаном — она текла тонкой струйкой, которая странным образом впитывалась в ворс ковра быстрее, чем должна была. Словно вагон пил её.

Аркадий перевел взгляд на Витю.

Пионер стоял, ухватившись одной рукой за поручень у окна. Его даже не пошатнуло. Он смотрел на труп с выражением выполненного долга.

Поезд набирал скорость, и тряска играла на руку людям.

Одичавшие, привыкшие к твердой земле, теряли равновесие на ходящем ходуном полу. Тварь, которую швырнуло к барной стойке, пыталась подняться, скребя когтями по линолеуму, но инерция снова сбила её с ног.

— Дави их! — заорал Толян.

Браток, которого страх наконец отпустил, уступив место злобной истерике, вскочил на ноги. Он подбежал к дезориентированному монстру у стойки.

— Получай! Получай, сука!

Он начал стрелять в упор. Первая пуля вошла твари в плечо, вторая — в живот. Монстр завизжал, пытаясь закрыться руками-лапами, но Толян не останавливался, пока затвор не встал на задержку.

— Сдохни! — он с силой пнул уже мертвое тело лакированным ботинком.

У дверей разворачивалась другая, более короткая схватка.

Половина туловища монстра, которую отсекло дверями, все еще ползла на руках к людям, кляца зубами. Из обрубка торчали сизые кишки.

Прохор шагнул к ней. На его лице не было ни ярости, ни отвращения. Только усталость рабочего, которому нужно убрать мусор, мешающий проходу.

Он поднял свою кувалду.

Удар был коротким и скупым. Череп твари хруснул, и ползущее месиво затихло. Стахановец вытер боек о штанину и отошел в сторону, освобождая место.

Последняя тварь — та, что убила Мурку — не обращала внимания ни на тряску, ни на выстрелы. Она жрала.

Сержант Василий и Афганец Глеб подошли к ней с двух сторон. Они не сговаривались.

Глеб свистнул.

Монстр поднял окровавленную морду, с которой свисали лоскуты кожи.

В ту же секунду Сержант с размаху опустил приклад ППШ на затылок зверя. Удар был такой силы, что деревянный приклад окончательно треснул. Тварь рухнула носом в пол, оглушенная.

Глеб шагнул вперед и точным, профессиональным движением вогнал нож под основание черепа.

Зверь дернулся и затих, навалившись на свою жертву.

В вагоне наступила тишина.

Только тяжелое дыхание людей и ритмичный, успокаивающий перестук колес.

Ту-дух. Ту-дух. Ту-дух.

Свет больше не мигал. Лампы горели ровно, заливая место побоища теплым, почти уютным сиянием. Если не смотреть на пол, залитый кровью и черной слизью, можно было подумать, что ничего не случилось.

Интеллигент Вениамин Петрович медленно сполз с дивана. Он поднял с пола свои очки — одно стекло вылетело, дужка погнулась. Он водрузил их на нос дрожащими руками и посмотрел в окно.

Желтый туман Сортировочной остался позади. За стеклом проносилась черная, непроглядная ночь, расчерченная искрами из-под колес.

— Мы едем... — прошептал он, и его голос сорвался. — Мы действительно едем.

Костоправ Олег подошел к телу Зечки. Он брезгливо отодвинул носком ботинка тушу монстра.

— Сонная артерия, трахея, пищевод, — констатировал он сухо. — Смерть наступила в течение сорока секунд. Медицина тут бессильна.

Он поднял взгляд на Сержанта.

— Похоже, механизм насытился. Биомасса принята.

Спекулянт Аркадий все еще сидел под столом. Он был забрызган кровью — чужой. Он смотрел на Мурку широко раскрытыми глазами. Он понимал, что этот кусок мяса на ковре еще минуту назад хотел его убить. И он начинал понимать, почему она не смогла.

Он перевел взгляд в сторону.

Пионер Витя стоял у стены. Он не выглядел ни злодеем, ни героем. Он выглядел... озабоченным.

Мальчик достал из кармана шорт белоснежный носовой платок и теперь усердно, с пугающей тщательностью оттирал пятнышко крови со своей сандалии.

— Непорядок, — тихо буркнул он себе под нос, шмыгнув носом. — Форма парадная. А вдруг линейка? Как я в строю стоять буду? С пятном нельзя. Исключат.

В его голосе не было страха перед смертью, только панический ужас перед нарушением регламента. Он боялся не того, что случилось, а того, что его сочтут «недостойным».

Он поправил сбившийся красный галстук, проверил, ровно ли висит значок, и, убедившись, что внешний вид соответствует Уставу, снова взял в руки палочки.

Тик-тик-тик...

Тихая дробь по деревянной панели стены вплелась в шум поезда.

Глеб вытер нож об ногу убитого монстра и убрал его в ножны. Он посмотрел на мальчика долгим, тяжелым взглядом, потом перевел глаза на Аркадия, который мелко крестился под столом.

Афганец ничего не сказал.

Поезд «Светлое Будущее» несся сквозь ночь, увозя двенадцать живых и одного мертвого к следующей станции.

Глава Четвёртая: Санитарный Час

В вагоне-ресторане пахло скотобойней.

Запах сырого мяса, содержимого желудков и острой, железной вони крови смешивался с ароматом озона, который, казалось, исходил от самих стен поезда. Желтый электрический свет, который минуту назад казался спасением, теперь безжалостно высвечивал каждую деталь побоища.

Посреди прохода, раскинув руки, лежала Мурка. Скатерть, на которую она упала, пропиталась насквозь, став черной. Рядом валялись разрубленные, простреленные туши Одичавших. Из обрубка того, которого перебило дверями, на ковролин натекла густая сизая лужа.

Сержант Василий поднялся, опираясь на стол. Он поморщился, потирая старую контузию.

— Так дело не пойдет, — сказал он, и в наступившей тишине его голос прозвучал глухо. — Задохнемся. Мертвым — покой, живым — работа. Надо убрать.

Он посмотрел на Братка, который сидел на единственном уцелевшем стуле у окна и с остервенением вытирал пятна крови со своего малидового пиджака носовым платком.

— Гражданин, подсоби. Берись за ноги.

Толян поднял на него мутный взгляд.

— Ты рамсы попутал, дед? — процедил он, не вставая. — Я тебе не шнырь, чтобы полы драить. Я — человек авторитетный. Мое дело — вопросы решать, а не дерьмо таскать. Вон, у тебя лом есть, — он кивнул на Стахановца. — Пусть пашет.

Сержант хотел что-то ответить, его рука дернулась к пустой кобуре, но он сдержался. Не время.

— Прохор, — позвал он.

Гигант, который стоял у стены, словно часть интерьера, отлип от панели.

— Грязно, — прогудел он. — Убрать надо.

Он подошел к ближайшей туше Одичавшего — той самой, которой разможил череп. Прохор наклонился, ухватил её за заднюю лапу одной рукой и поволок по полу, как мешок с картошкой. Тело весило килограммов восемьдесят, но Стахановец, казалось, не замечал веса.

— Пойдите, — тихий, скрипучий голос остановил его.

Костоправ Олег вышел вперед. Он уже успел где-то найти чистую салфетку и теперь протирал свой скальпель.

— Прежде чем утилизировать биоматериал, коллега, позвольте взглянуть. Чисто научный интерес.

Прохор остановился, глядя на врача сверху вниз. Доктор, не обращая внимания на вонь, присел на корточки перед растерзанным монстром.

— Интересная морфология... — бормотал он, раздвигая пинцетом края раны на животе твари. — Мышечная ткань гипертрофирована, кожный покров утолщен... Но это вторично. Меня интересует рацион.

Он быстрым, точным движением вспорол желудок зверя.

На пол вывалилась серая, парующая масса. Запах стал невыносимым. Гимнастка Лена, сидевшая в углу, зажала рот рукой и отвернулась.

Доктор, не морщась, порылся в куче инструментом.

— А, вот и доказательство.

Он поднял что-то маленькое, блестящее.

Это был человеческий палец. Полупереваренный, но с сохранившимся золотым обручальным кольцом.

— Homo sapiens, — констатировал Олег, вытирая находку о халат. — Они не просто хищники. Они падальщики, которые питаются тем, чем когда-то были сами. Эволюционный тупик. Канныализм как норма вида.

Он выпрямился, потеряв интерес к трупу.

— Можете уносить.

Проخور молча потащил тушу дальше, в тамбур. За ним, стараясь не наступать в лужи, потянулся Неформал Егор, таща куски поменьше.

— Весело тут у вас, — нервно хихикнул Егор, пиная оторванную лапу. — Прямо расчлененка-пати.

Осталась Мурка.

Здесь действовали другие правила. Даже Толян перестал тереть пиджак и отвернулся к окну.

Сержант подошел к столу, сдернул относительно чистую скатерть.

— Глеб, — позвал он Афганца.

Глеб, который сидел на полу, приходя в себя после болевого шока, медленно встал. Его все еще пошатывало.

Они подошли к телу женщины. Глеб накрыл её лицо тканью.

— Обыскивать будем? — тихо спросил он.

— Не по-людски это, — покачал головой Василий. — Пусть с ней уходит. Грех на ней, конечно... но судить не нам.

Они подняли тело — легкое, сухое, почти невесомое. Мурка при жизни была жилистой, как птица.

— В тамбур её, — распорядился Сержант. — Выбрасывать на ходу не будем. На станции... если будет станция... похороним. Или хоть снегом присыплем.

Они понесли тело к выходу.

Пионер Витя, стоявший у стены, посторонился, пропуская процессию. Он смотрел не на тело под скатертью, а на пол, где осталась лежать забытая заточка.

— Порядок восстановлен, — прошептал он едва слышно, и снова начал отбивать дробь пальцами по бедру.

Когда тела унесли, Костоправ Олег занял угловой столик, превратив его в импровизированный лазарет. Он выложил из карманов свой инструмент: скальпели, зажимы, моток кетгута и флакон с мутной жидкостью.

— В очередь, — сухо скомандовал он. — Сначала тяжелые.

Первым он осмотрел Глеба. Афганец сидел, привалившись к стене, и все еще вытирал кровь, сочащуюся из носа.

— Слизистая сожжена, — констатировал Доктор, светя фонариком в ноздри пациента. — Капилляры глазного дна лопнули. Признаки микроинсульта. Вы, батенька, перенапрягли систему. Организм не рассчитан на такие... фокусы.

Он протянул Глебу пару таблеток.

— Обезболивающее. И сосудосуживающее. Глотайте.

Глеб молча проглотил таблетки насухую.

— Жить буду?

— В данном контексте вопрос философский, — ухмыльнулся Олег. — Функционировать — будете. Следующая.

Гимнастка Лена подошла к столику, хромая. Она села, боясь поднять глаза на врача. Олег, не церемонясь, задрал штанину её спортивных брюк (теперь поверх них была наброшена шинель).

Под грязными бинтами открылась страшная картина. Лодыжка была синей, отекающей. Кожа натянулась так, что казалась прозрачной.

— Гм... — Доктор потрогал сустав. Лена зашипела от боли. — Связки держатся на честном слове. Хрящевая ткань истощена. Ресурс вашего ходового механизма, милочка, почти выработан.

— Я смогу идти? — прошептала она.

— Идти — да. Бежать — вряд ли. Прыгать — категорически не рекомендую. Иначе я буду вынужден заменить сустав на что-то более... долговечное. Если найду запчасти.

Он наложил свежую повязку, смоченную спиртом. Лена отползла в угол, кутаясь в шинель, как в кокон.

За соседним столом Интеллигент Вениамин Петрович пытался собрать свои разбитые очки. Он крутил в руках дужку, глядя на неё сквозь уцелевшую линзу.

— Это оксюморон... — бормотал он. — Логический тупик.

— Чаво бормочешь, служивый? — Агафья, сидевшая рядом, разглаживала на коленях свой платок.

— Я говорю о нашей ситуации, бабушка. — Вениамин поднял на неё воспаленные глаза. — Мы выяснили, что мы из разных эпох. Сержант погиб в сорок третьем. Я... я сжег себя в девяносто пятом. Девочка вот... под поезд шагнула.

Он обвел рукой вагон.

— Выходит, мы уже мертвы. Мы — тени. Души. Фантомы. Так?

— Выходит так, — кивнул Глеб, прислушиваясь к тому, как утихает головная боль. — Толян вон орет, что живой, но я-то помню, как вены вскрыл. Вода была красная...

— Тогда объясните мне, — голос Интеллигента сорвался на визг, — объясните мне парадокс! Если мы уже мертвы... то как, черт возьми, мы можем умереть снова?!

Он ткнул пальцем в сторону тамбура, где лежало тело Мурки.

— Она умерла! Ей перегрызли горло! Она хрипела, у неё шла кровь! Если мы духи, нам должно быть все равно! А мы боимся. Мы чувствуем боль. Мы умираем вторично! Куда она делась теперь? В двойной ад? В небытие в квадрате? Где дно у этой ямы?!

В вагоне повисла тяжелая тишина. Вопрос был задан. И ответ на него пугал больше, чем монстры.

— У бездны нет дна, милоч, — тихо сказала Агафья. — Падать можно долго. Душа — она как луковица. Слой сняли — а там еще один. Сгорела она тут — значит, совсем сгинула. Растворилась. Тьма её съела.

— Не тьма, — вдруг произнес голос от зеркала.

Аллан, Экстрасенс, который до этого стоял спиной к залу, повернулся.

Он снял свои черные очки. Его левый глаз, скошенный к виску, бешено вращался, словно настраивая резкость. Правый смотрел на Интеллигента с жалостью.

Аллан прижал руку к нагрудному карману, где лежал украденный блокнот. Он чувствовал тепло, исходящее от бумаги.

— Вы ищете мистику, Вениамин Петрович. Рай, Ад, Чистилище... А вы посмотрите на это место. — Он постучал по металлической обшивке стены. — Железо. Масло. Поршни. Уголь.

— И что? — не понял Интеллигент.

— Это не Храм, — сказал Аллан, и его губы скривились в нервной улыбке. — Это Завод. Фабрика.

Он подошел к столу, понизив голос до шепота.

— Мы не души, которые наказывают. Мы — руда. Сырьё. Понимаете? Углю в топке не больно, когда он горит. Он просто дает тепло, чтобы паровоз ехал.

— То есть... — Лена подняла голову, её глаза расширились. — Мы здесь просто... батарейки?

— Одноразовые, — кивнул Аллан. — И когда нас «тратят» здесь... мы исчезаем совсем. Превращаемся в выхлоп. В дым.

Костоправ Олег, закончивший вытирать руки от крови, хмыкнул.

— Любопытная теория. Утилитарная. Мне нравится. Это объясняет, почему механизм требует «конвертации». Энергия не берется из ниоткуда.

Он посмотрел на свои руки в желтых перчатках.

— Значит, наша задача — не искупление грехов. А сохранение энергоемкости. Чтобы не сгореть раньше времени.

Вениамин Петрович снял очки и уронил лицо в ладони.

— Господи... Лучше бы это был Ад. В Аду есть надежда на прощение. А у станка жалости не вымолишь.

Пока в одном углу вагона лечили тела, а в другом — препарировали души, в центре разворачивалась борьба за выживание иного толка.

Спекулянт Аркадий вылез из-под стола. Он отряхнул с колен пыль и засохшую кровь Мурки, поправил сбившуюся ондатровую шапку и, озираясь, водрузил на уцелевший столик обе свои клетчатые сумки.

Вжикнула молния.

Аркадий понимал: он слабый. Его чуть не прирезала бабка, его чуть не сожрали твари. Единственное, что у него есть — это содержимое этих баулов. Если он отдаст всё просто так — он станет бесполезным мясом.

Он начал выкладывать товар.

Банки с тушенкой «Великая Стена». Пачки галет. Несколько коробков спичек. Горсть патронов разного калибра, высыпанная на скатерть, как семечки.

И, наконец, главный калибр — литровая бутылка спирта «Рояль» с красной этикеткой.

— Налетай, торопись, — прогундосил он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Лавочка открыта. Благотворительность кончилась.

Первым подошел Толян.

Браток навис над столиком, заслоняя свет. Его живот урчал так, что было слышно даже сквозь стук колес. Рука в перстнях потянулась к банке с мясом.

— О, ништяк. Сюда давай.

Аркадий накрыл банку ладонью. Его пальцы побелели от напряжения, он вжал голову в плечи, ожидая удара, но руку не убрал.

— Э, нет. Товар — деньги. Товар — деньги.

— Ты чё, барыга, попутал? — Толян нахмурился, его шея побагровела. Он наклонился к самому лицу Аркадия. — Я тебе сейчас башку проломлю, и всё будет мое. Понял?

Аркадий сглотнул, но не отступил. Его взгляд метнулся в сторону.

У стены, чистя оружие, сидели Сержант и Афганец. Они не смотрели прямо, но стволы их автоматов лежали на коленях, направленные в сторону прохода.

— Не проломишь, — пискнул Спекулянт. — Тут... порядок. Беспредел не пропустят. А я полезный. У меня патроны есть.

Толян скосил глаза на военных. Сплюнул. Он понимал расклад: начнешь пальбу — тебя положат. Эти двое служивых спелись, и против них он не потянет.

— Гнида ты, Аркаша, — процедил Браток. — Жирная, потная гнида.

Он полез за пазуху и сдернул с шеи толстую золотую цепь. Швырнул её на стол. Золото глухо звякнуло о столешницу.

— На. Подавись. Голда, чистая проба. Турция.

Аркадий взял цепь. Он прекрасно видел зеленые следы окисления на звеньях. Фальшивка. Цыганское золото.

Но он кивнул и сгрёб цепь в карман. Ему нужно было создать видимость, что правила работают.

— Годится. Бери банку. И патронов отсыплю... пяток. На сдачу.

Следом к столу подтянулся Неформал.

Егор выглядел плохо. Его трясло, лицо было серым, губы потрескались. Адреналин отступил, оставив место ломке и ужасу.

Он смотрел не на еду. Он пожирал глазами бутылку «Рояль».

— Плесни, дядя, — хрипло попросил он. — Трубы горят. Душа мерзнет.

— Валюта? — сухо спросил Аркадий, чувствуя себя увереннее. — Золото, камни, Талоны?

— Нету золота, — Егор похлопал по карманам джинсовки. — Я за идею...

Аркадий демонстративно отвернулся, начиная переставлять банки.

— За идею — это к Пионеру. А тут рынок. Нет денег — нет стульев.

Егор судорожно вздохнул. Он запустил руку во внутренний карман и достал оттуда единственное, что у него осталось ценного, кроме зажигалки.

Ручку.

Обычную шариковую ручку, обклеенную бумажками с какими-то надписями.

— Вот, — он положил её на стол дрожащей рукой.

Аркадий брезгливо взял предмет двумя пальцами.

— И чё это? Пластик? Ты смеешься?

— Это не просто ручка, — тихо сказал Егор. — Я ей песни писал. Тексты. Стихи. Все, что в голове было... я через неё на бумагу выплевывал. Это... — он запнулся, подбирая слово. — Это мой Голос.

Спекулянт хмыкнул. Он покрутил ручку. Дешевка. Но в этом мире, где ничего не производили, даже пишущий стержень мог стать дефицитом. А может, ему просто польстило, что к нему пришли на поклон.

— Ладно, — буркнул он. — Поэт, блин. Гони тару.

Егор схватил грязный стаканчик с соседнего стола. Аркадий плеснул спирта — на два пальца.

Неформал схватил стакан, как святыню. Он залпом опрокинул жгучую жидкость в горло. Закашлялся, вытирая слезы рукавом.

— Хорошо пошла... — выдохнул он, оседая на пол рядом с прилавком.

Его взгляд прояснился, но в нем появилась какая-то новая, глухая пустота.

Он продал свой инструмент творения за минуту забвения. Теперь ему нечем было писать, даже если бы пришли слова.

Аркадий смахнул ручку в свою сумку. Торговля шла. Ад обретал структуру.

Сержант Василий и Афганец Глеб сидели за отдельным столиком у самого выхода в тамбур. Здесь тянуло холодом, но зато было меньше слышно чавканье Толяна и бормотание Интеллигента.

Глеб достал из кармана мятую пачку. В ней сиротливо перекатывалась одна-единственная сигарета, сломанная пополам.

— Будешь, батя? — он протянул половинку Сержанту.

Василий кивнул, принимая угощение с бережностью, присущей людям, знающим цену табаку.

— Благодарствую.

Они не стали прикуривать — спирт ушел Неформалу, а тратить спички Спекулянта не хотелось. Они просто жевали горький табак, глядя в темное окно.

— Василий, — представился Сержант, не поворачивая головы. — Третий Украинский фронт. Сорок третий год.

— Глеб, — отозвался Афганец. — Кандагар... Восемьдесят восьмой. Ну и потом... девяностые.

Василий медленно повернулся. Его молодые, ясные глаза скользнули по седой щетине Глеба, по его глубоким морщинам и шрамам.

— Восемьдесят восьмой... — прошептал он. — Это ж сколько времени прошло... Сорок пять лет. Ты, выходит, мне во внуки годишься. А выглядишь...

— Как дед, — усмехнулся Глеб, сплевывая табачную крошку. — Хреновое оно, батя, твое будущее. Не достроили мы коммунизм. Развалили всё.

Василий помолчал, переваривая. Его лицо окаменело.

— Значит, зря?

— Не зря, — жестко отрезал Глеб. — Если б не вы тогда... нас бы вообще не было. А то, что мы сами всё просрали — это уже наша вина. Не твоя.

Они помолчали. Поезд качнуло на стрелке.

— Скажи мне, лейтенант... — Василий понизил голос. — Что там, в башне, стряслось? Я видел, как того гада отшвырнуло. Граната? Но я взрыва не слышал. И чеку ты не дергал.

Глеб потер переносицу.

— Не было гранаты. Я просто... испугался. И разозлился. Сильно. Так, что в глазах потемнело. Захотел его раздавить. И оно... само вышло. Как удар током изнутри.

— Психокинетический резонанс, — раздался вкрадчивый голос над их головами.

Военные вздрогнули. Глеб инстинктивно потянулся к ножу.

Рядом с их столиком стоял Аллан. Его белый костюм был заляпан грязью, черные очки скрывали глаза, но руки... руки двигались в воздухе, словно лепили невидимый снежок.

— Не гони, экстрасенс, — буркнул Глеб. — Иди водичку заряжай.

— Зря вы так, — Аллан не ушел. Он, наоборот, придвинул стул и сел рядом, наклонившись к ним заговорщицки. — Вы ведь почувствовали это, Глеб? Боль. Жар. Отдачу.

Экстрасенс похлопал себя по нагрудному карману, где лежал трофейный блокнот.

— Я тут почитал... кое-что. И посмотрел.

Он чуть сдвинул очки. Глеб увидел его левый, безумный глаз, который дергался, глядя куда-то сквозь Сержанта.

— Это система. Строгая, как устав. В этом месте нет магии в сказочном смысле. Есть физика. Физика страдания.

Аллан растопырил пальцы.

— Есть три Спектра. Три частоты, на которых работает этот Завод.

— Короче, Склифосовский, — нахмурился Василий.

— Красный Спектр, — Аллан ткнул пальцем в грудь Глеба. — Это Боль. Ярость. Вы, Глеб, стали проводником. Вы взяли энергию своей злости и превратили её в кинетический удар. Но энергия не берется из ниоткуда. Вы заплатили своим телом. Ваши сосуды лопнули, потому что вы пропустили через себя ток высокого напряжения.

— А другие? — спросил Василий, невольно заинтересовавшись.

— Зеленый, — продолжал Аллан, глядя на свои руки. — Материя. Гниль. Изменение формы. Это то, что делает с нами время, только мгновенно.

— И Синий, — он понизил голос до шепота. — Разум. Иллюзия. Ужас. То, что сводит с ума.

Глеб посмотрел на свои руки. Они все еще дрожали.

— И как этим управлять? Чтобы не сдохнуть?

— Контролировать цену, — быстро сказал Аллан. — Вы заплатили микроинсультом за один удар. Если ударите сильнее — у вас сердце разорвется. Это как стрелять усиленным зарядом из ржавого ствола.

Он криво усмехнулся.

— Мы все здесь — оружие, товарищи офицеры. Но у каждого оружия есть ресурс ствола. И когда он кончится... нас спишут.

Сержант Василий тяжело вздохнул и раздавил окурок (который он так и не зажег) в пепельнице.

— Доходчиво. Значит, патроны беречь, себя не жалеть, но и зазря не рваться.

Он посмотрел на Пионера, который сидел в одиночестве.

— А пацан? Он какой... спектр?

Аллан посмотрел на Витю. Его передернуло.

— Он не спектр, — прошептал Экстрасенс. — Он — Гимн. Я бы к нему спиной не поворачивался. У него внутри... очень громко.

Поезд начал замедляться. Грохот колес изменил тональность, став более гулким, отражаясь от стен.

За окном исчезла чернота ночи. Вместо неё поплыли бесконечные ряды бетонных плит, освещенных тусклым, мертвенным светом.

— Приехали, — сказал Глеб, глядя в окно. — Бетонка. Прямо как дома.

Пионер Витя сидел отдельно от всех, на откидном стульчике у самого входа. Он закончил чистить сандалию. Белый платок стал бурым, но обувь сияла. Витя аккуратно свернул грязную ткань грязью внутрь и спрятал в карман.

Он сидел прямо, положив руки на колени, и смотрел перед собой. К нему никто не решался подойти. Даже Мурка, пока была жива, обходила его стороной, а теперь, после того как он подставил ей ножку, мальчик казался остальным пассажирам маленьким идолом смерти.

Поезд начал менять ход.

Ритм колес замедлился, став тяжелым, тягучим. Грохот больше не улетал в пустоту полей — он возвращался, отражаясь от чего-то, стоящего вплотную к путям.

Б-БУМ. Б-БУМ. Б-БУМ.

Звук стал гулким, как в тоннеле.

— Свет меняется, — заметил Интеллигент, прижимаясь носом к стеклу.

За окном исчезла непроглядная чернота ночи. Исчез и желтый туман Сортировочной.

Вместо этого вагон залило мертвенно-бледным, серым сиянием.

Поезд въезжал в ущелье.

Но стены этого ущелья были сделаны не из камня.

Это были бетонные плиты. Бесконечные, грязные, с потеками ржавчины и черной плесени. Панели.

Поезд шел по эстакаде, проложенной где-то на уровне двадцатого этажа, но ни земли внизу, ни неба вверху видно не было. Бетонная стена уходила в бесконечность в обе стороны.

— Господи Иисусе... — прошептала Агафья.

Мимо окон проплывали тысячи других окон.

Большинство было темными, выбитыми, зияющими, как пустые глазницы черепов. Но в некоторых горел тусклый синюшный свет — свет телевизоров, работающих в пустых комнатах.

Мелькали балконы, забитые хламом: старыми лыжами, банками, тряпками. На натянутых веревках висело белье, застывшее колом на морозе — простыни и рубашки, похожие на повешенных призраков.

Это был не город. Это был один сплошной, бесконечный Дом.

Гигахрущ.

— Офигеть... — выдохнул Неформал Егор.

Он подошел к окну, шатаясь от выпитого спирта, и уперся лбом в стекло. На его лице появилась странная, кривая ухмылка.

— Панельки. Бетонные коробки. Прямо как дома, в Купчино. Или в Бирюлево. Только там хоть ларьки были...

Поезд, лязгая на стыках, медленно вползал в чрево этого бетонного монстра.

Радио молчало. Но снаружи, сквозь толстые стекла, начал пробиваться звук. Это был не вой монстров.

Это был Гул.

Слитный шум миллионов голосов, ругани за стеной, плача детей, звуков дрели и работающих телевизоров. Белый шум человеческого существования, спрессованный в единую ноту безнадежности.

— Приехали, — сказал Афганец Глеб, глядя на бесконечные ряды серых окон. — Вот теперь мы точно приехали.

Вагон погрузился в тень гигантских зданий. Впереди, в серой мгле, угадывались очертания платформы, такой же бетонной и безликой, как и всё вокруг.

Глава Пятая: Панельное Гетто

Поезд замедлялся долго, словно увязая в густом киселе.

Стук колес изменился. Теперь это был не звонкий перестук по открытому полотну, а глухое, давящее эхо. Бум-бум. Бум-бум. Звук отражался от стен, возвращаясь назад искаженным и тяжелым.

Наконец, состав дернулся в последний раз и замер.

Свет в вагоне мигнул, переходя в режим аварийного питания. В наступившей полутьмине, нарушаемой лишь гудением трансформатора, ожил динамик под потолком.

Голос диктора был тем же — женским, механическим, лишенным интонаций, но теперь в нем прорезались легкие помехи, похожие на шуршание пенопласта.

«Станция Жилой Комплекс "Мечта". Стоянка до востребования. Выход в город — через подъезды. Просьба соблюдать режим тишины. Нарушение режима карается выселением».

Щелчок.

Пневматика выдохнула, и двери с натужным скрежетом поползли в стороны.

— «Мечта»... — хмыкнул Неформал Егор, накидывая на плечи свою джинсовку и проверяя, на месте ли зажигалка. — Хорошее название. Оптимистичное.

Они вышли из вагона.

Но под ногами не захрустел щебень. Подошвы ударились о твердое, ровное покрытие.

Бетон.

Они стояли на узком техническом карнизе, шириной метра в три, который тянулся вдоль путей. Ограждения не было — только край, за которым начиналась пустота.

Сержант Василий подошел к краю и глянул вниз.

— Твою ж дивизию... — вырвалось у него.

Здесь не было ни земли, ни неба.

Поезд висел где-то посередине гигантского бетонного колодца.

Напротив, метрах в двадцати через пропасть, возвышалась Стена. Бесконечная, серая панельная стена, уходящая вверх в черноту и вниз в такую же беспросветную мглу.

Тысячи окон.

Большинство были темными, зияющими, как выбитые зубы. Но в некоторых горел мертвенно-бледный, синюшный свет — свет работающих телевизоров в пустых комнатах.

Балконы были завалены хламом: ржавые лыжи, сгнившие рамы, какие-то ящики. Между балконами тянулись бельевые веревки, на которых висели простыни, застывшие колом. Они не шевелились, потому что здесь не было ветра. Воздух был спертым, неподвижным, пахнущим вареной капустой, мокрой известью и застарелым мусоропроводом.

— Ну ни хрена себе муравейник, — присвистнул Егор, задирая голову и пытаясь увидеть крышу, которой не было. — Тут, походу, всё население Союза живет. Прямо как дома, в Купчино. Только этажей побольше... раз в тыщу.

Афганец Глеб повел стволом автомата, сканируя пространство.

— Тихо тут, — заметил он. — Слишком тихо для такого дома. Где люди?
— Спят, — предположил Костоправ Олег, поправляя перчатки. — Или вымерли. Или...

Он не договорил. Его внимание привлекло что-то под ногами.
— Коллеги, обратите внимание на поверхность.

Интеллигент Вениамин Петрович, щурясь сквозь единственную уцелевшую линзу, присел на корточки.

Бетонные плиты карниза, стены вагона, перила — всё было покрыто тонкой, едва заметной пленкой.

Она была серой, полупрозрачной, похожей на паутину или плесень, но имела странную структуру. Она не была сухой. Она выглядела влажной и маслянистой.

И если присмотреться, можно было заметить, что она... пульсирует. Едва-едва. Словно дышит в такт далекому гулу, идущему из недр здания.

— Это не пыль, — прошептал Интеллигент, отдергивая руку, которой хотел коснуться пола. — Это органика. Или...

— Слизь, — брезгливо констатировал Толян, вытирая ботинок о штанину (зря он это сделал — на ткани остался жирный серый след). — Весь дом в соплях. Ну и гадюшник.

Где-то вдалеке, этажей на пятьдесят ниже, хлопнула дверь. Звук, многократно отраженный бетоном, прозвучал как выстрел пушки.

— «Режим тишины», — напомнил Сержант, оглядываясь на черные провалы окон напротив. Ему показалось, что за одной из занавесок что-то шевельнулось. — Не орать. Двигаться быстро. Нам нужно найти еду и выход наверх. Внизу ловить нечего.

Группа сгрудилась на пяточке у выхода, чувствуя себя пылинками в этом бетонном саркофаге.

— Привал, — просипел Спекулянт Аркадий.

Он стоял, согнувшись в три погибели, уперев руки в колени. Его лицо под ондатровой шапкой пошло красными пятнами, пот заливал глаза. Две огромные клетчатые сумки, набитые товаром, оттягивали руки, как кандалы.

— Сил нет... — пожаловался он, с шумом выпуская воздух. — Дайте отдышаться. Сердце сейчас выпрыгнет.

Не дожидаясь разрешения Сержанта, Аркадий с облегчением опустил баулы на бетонный пол. Глухой шлепок прозвучал в тишине вызывающе громко.

Спекулянт распрямился, хрустнув позвоночником, и снял шапку, чтобы обтереть лысину рукавом пуховика.

— Вот так... Минутку постоим, и дальше...

Группа остановилась.

— Долго не расслаивайся, — бросил через плечо Глеб, не опуская автомата. — Место дрянное.

— Да я быстро, — отмахнулся Аркадий, водружая шапку обратно. — Только дух переведу.

Прошло секунд тридцать.

Сержант Василий сверился с компасом (стрелка которого бешено вращалась) и махнул рукой:

— Выдвигаемся. Ищем проход наверх.

Аркадий вздохнул, нагнулся и ухватился за ручки своих сумок.

Он потянул.

Сумки не сдвинулись.

— Э? — Аркадий нахмурился. — Зацепилось, что ли...

Он уперся ногами поудобнее и дернул сильнее, всем телом.

Раздался противный, чавкающий звук. Словно кто-то отрывал пластырь от волосатой кожи, только в десять раз громче.

Сумка подалась вверх на пару сантиметров, но пол потянулся за ней.

Серая пленка, покрывавшая бетон, загустела. Она больше не была похожа на пыль. Она превратилась в вязкую, тягучую субстанцию, напоминающую расплавленный гудрон или сырое тесто. Она облепила дно баулов, впиталась в ткань и теперь тянула их обратно, вниз, в бетон.

— Чё за... — Аркадий в панике дернул еще раз.

И тут он понял, что не может оторвать ноги.

Подошвы его дешевых китайских «дутьшей» погрузились в серую массу на сантиметр. Слизь жадно, с тихим шипением, ползла вверх по резине, обволакивая щиколотки.

— Помогите! — взвизгнул Спекулянт, забыв про режим тишины. — Оно держит! Оно меня жрёт!

Группа обернулась.

Зрелище было жуткое. Бетон под ногами Аркадия словно ожил. Он перестал быть твердым. Он стал болотом, которое хотело переварить инородный объект.

— Не дергайся! — крикнул Сержант, подбегая. — Прохор, давай!

Стахановец шагнул к барыге. Он не стал разбираться с узлами или резать ткань. Он просто ухватил Аркадия одной рукой за шиворот пуховика, а другой — за ручки сумок.

— Рви, — скомандовал Сержант.

Прохор потянул.

Его мышцы под грязной рубахой вздулись буграми.

ТРЕСК.

Звук разрываемой материи и резины эхом отразился от стен колодца.

Аркадий вылетел из ловушки, как пробка из бутылки, и шлепнулся на задницу в метре от опасной зоны (на чистый участок у самого поезда).

Сумки удалось спасти, но их дно было покрыто слоем серой, пульсирующей гадости.

А вот обуви повезло меньше.

Подошва левого ботинка Аркадия осталась в полу. Слизь тут же сомкнулась над ней, разглаживаясь, как вода, и через секунду на бетоне остался лишь легкий бугорок.

— Мои кроссы... — простонал Аркадий, глядя на свой носок, торчащий из разорванного ботинка. — Фирменные...

Костоправ Олег осторожно подошел к месту происшествия. Он не стал наступать на пятно, а лишь ткнул в него кончиком скальпеля. Инструмент вошел в бетон, как в масло, и тут же был облеплен серыми нитями. Доктор брезгливо выдернул его и вытер о халат (зря — ткань тут же начала твердеть).

— Любопытно, — констатировал он, поправляя очки. — Это не клей. И не кислота. Это ассимиляция. Сверхбыстрая интеграция материи.

Он повернулся к побледневшей группе.

— Дом голоден, господа. Он не терпит статики. Если вы остановитесь — вы станете частью интерьера. В буквальном смысле. Ваши ноги станут полом, ваша спина — стеной.

Доктор посмотрел на свои часы.

— Время реакции — около двадцати секунд. Потом процесс становится необратимым.

Глеб переступил с ноги на ногу, инстинктивно проверяя, не прилип ли он.

— То есть спать нельзя? Сидеть нельзя?

— Стоять тоже не рекомендую, — Доктор спрятал скальпель. — Двигайтесь. Постоянно перебирайте ногами. Топчитесь. Танцуйте, если хотите. Но не замирайте. Остановка — смерть.

Сержант Василий мрачно кивнул.

— Слышали? Марш-бросок. Привалов не будет. Аркадий, мотай ногу тряпкой и вставай. Груз не бросать.

— Да как я пойду... — захныкал Спекулянт, но, увидев, как серая пленка снова начинает тянуться к его дырявому ботинку, подскочил как ужаленный.

Группа зашевелилась. Теперь каждый шаг давался с опаской. Бетон под ногами больше не казался надежной опорой. Он был спиной спящего чудовища, которое могло проснуться в любой момент.

Глеб отступил назад, поближе к вагону, не сводя глаз с серого бетона. Он заметил странность.

— Командир, глянь, — он кивнул на колесные пары.

Сержант Василий проследил за его взглядом.

Серая пленка, покрывающая весь технический этаж ровным слоем, не доходила до Поезда. Вокруг состава, на расстоянии примерно метра, тянулась чистая, черная полоса бетона. Граница была четкой, словно очерченной мелом. Слизь у этого барьера слегка дымилась и сворачивалась в сухие комки, будто опаленная огнем.

— Боится, — констатировал Глеб. — Железа боится? Или жара?

— Или просто хищник хищника не ест, — усмехнулся Костоправ, поправляя очки. — Наш Поезд — существо доминантное. Дом признает его право на территорию. Иммунный ответ среды здесь подавлен.

Василий кивнул. Это меняло дело.

— Значит так. Вагон — это база. Здесь безопасно. Относительно.

Он повернулся к группе, мгновенно переключаясь в режим командира взвода. В этом хаосе ему нужна была структура, иначе он сам сошел бы с ума.

— Раненые и гражданские остаются.

Он посмотрел на Гимнастку. Лена, закутанная в шинель, стояла на одной ноге, придерживаясь за поручень. Её лицо было белым как мел.

— Лена, ты в резерве. Следишь за дверями.

— Я... я могу помочь, — пискнула она, но тут же пошатнулась.

— Отставить. Твоя задача — выжить. С тобой остаются Агафья и Вениамин Петрович. Интеллигент с облегчением выдохнул, прижимая к груди свою сумку с книгами.

— И ты, — Сержант кивнул на Аллана. Экстрасенс стоял, уткнувшись в трофейный блокнот, и бормотал что-то под нос, не реагируя на внешние раздражители. — Изучай документы. Если найдешь что полезное — сообщишь по возвращении.

— А мы? — Толян нервно передернул плечами. Ему не хотелось идти в темноту подьездов, но оставаться с «доходягами» было не по масти.

— А мы идем в рейд, — отрезал Василий. — Еды нет. Воды нет. Топлива нет. Сидеть здесь — значит сдохнуть от голода, когда этот Дом нас переварит. Разведка доложила, — он неопределенно махнул рукой вверх, — что там может быть просвет. Или выход на крышу.

Он начал тыкать пальцем, назначая добровольцев.

— Глеб — замыкающий. Прохор — таран. Олег — медицина, если кого зацепит. Егор — замки и разведка.

— Я с вами, — буркнул Толян. — Мой ствол лишним не будет.

— Добро. И ты, Аркадий.

Спекулянт, который как раз заматывал пострадавшую ногу куском грязной тряпки, замер.

— Я?! Товарищ начальник, помилуйте! Я же инвалид! У меня обувь... того! И сердце! И груз!

— Груз берешь с собой, — безжалостно сказал Сержант. — Ты у нас интендант. Мешки пустые есть?

— Ну... есть...

— Вот и потащишь хабар. И Талоны свои бери. Вдруг там тоже ларьки есть. Ты единственный, кто с местными барыгами общий язык найти сможет. Коли они тут есть вообще.

Аркадий заскулил, но под тяжелым взглядом Стахановца (который уже поудобнее перехватил кувалду) начал собираться.

Оставался один вопрос.

Сержант посмотрел на Пионера.

Витя стоял у самого края «мертвой зоны». Он не смотрел на взрослых. Он смотрел на Слизь.

Мальчик медленно поднял палочки и ударил по железным перилам ограждения.

Дзынь.

Звук был звонким, чистым.

Слизь в метре от него дернулась. Серая масса пошла рябью, как вода от камня, и отхлынула назад, обнажив кусок чистого бетона.

Витя ударил еще раз.

Дзынь-так.

Слизь зашипела и отползла еще дальше.

Глеб присвистнул.

— Ты глянь, командир. Пацан-то работает как фумигатор.

— Резонанс? — предположил Костоправ. — Структура этой субстанции нестабильна. Ритмичный звук разрушает межмолекулярные связи.

— Плевать на связи, — Василий поправил пилотку. — Главное, что оно его боится. Витя! Пионер повернул голову. Его голубые глаза были абсолютно пустыми.

— Я готов.

— В строй. Пойдешь в центре. Стучи. Не останавливайся. Твоя задача — расчищать дорогу. Понял?

— Задача ясна. Обеспечить коридор.

Группа построилась на узкой полоске чистого бетона. Впереди их ждала железная дверь подъезда с вырванным домофоном, за которой клубилась тьма, пахнувшая хлоркой и безысходностью.

— Пошли, — скомандовал Сержант. — Дистанция два шага. Не растягиваться.

Они шагнули за черту безопасности.

В тот момент, когда подошвы коснулись зараженного бетона, Слизь под ногами жадно чавкнула, пытаясь ухватить добычу. Но тут вступил Витя.

Так-так. Дзынь.

Мальчик шел в центре коробочки. У него еще не было барабана, поэтому он бил палочками друг о друга и о пряжку своего ремня. Звук был сухим, резким, похожим на щелчки затвора.

Так-так. Так-так.

Эффект был поразительным.

В радиусе двух метров от Пионера серая пленка на полу начинала вибрировать. Она шла мелкой рябью, пузырилась и с тихим шипением отползала в стороны, обнажая шербатый бетон.

Витя шел, глядя строго перед собой, чеканя шаг. Он был похож на ледокол, раскалывающий серую целину.

— Работает, — выдохнул Глеб, идя спиной вперед и держа сектор обстрела. — Пацан — ходячий фумигатор.

— Держи ритм, сынок, — подбодрил Василий. — Не сбивайся.

Аркадий, ковылявший сбоку с огромным мешком (в который он перегрузил часть товара, чтобы не тащить обе сумки), старался наступать след в след за мальчиком.

— Быстрее, быстрее... — бормотал он. — Оно шевелится...

Они пересекли широкую площадку технического этажа и уперлись в стену дома.

Здесь была Дверь.

Типичная, железная подъездная дверь, когда-то покрашенная в шаровый цвет, а теперь облупленная и ржавая. На ней не было ручки — только приваренная скоба. Справа в стену был вмурован блок домофона с выжженными кнопками.

— Заперто, — Прохор толкнул дверь плечом. Железо гулко отозвалось, но не подалось. — Магнит держит.

— Ломать? — Гигант перехватил кувалду.

— Шумно, — покачал головой Сержант. — И долго. Тут стоять нельзя, прилипнем. Слизь с потолка капает.

Он посмотрел на Неформала.

— Твой выход, специалист.

Егор усмехнулся, доставая из кармана связку отмычек, сделанных из спиц и пилочек для ногтей.

— Советский «Цифрал», — он скользнул к замку. — Классика жанра. Код, скорее всего, стандартный, или магнит сдох от старости...

Егор работал, пританцовывая. Он переминался с ноги на ногу, дергался, крутился, чтобы не дать Слизю на пороге ухватить его кеды. Это выглядело как странный, дерганный танец под аккомпанемент щелчков Витиных палочек.

— Ну давай, родная... — шептал он, ковыряясь в коробочке. — Открой личико...

Сверху, с козырька подъезда, начала капать густая серая жижа. Капля упала на плечо Толяна. Ткань пиджака задымилась.

— Э! Давай резче! — взвизгнул Браток, стряхивая гадость. — Нас сейчас растворит тут!

— Не сбивай мастера под руку! — огрызнулся Егор.

Щелк.

Магнитный замок пискнул и погас.

— Вуаля, — Егор шутовски поклонился и потянул скобу на себя.

Дверь со скрежетом, от которого заныли зубы, отворилась.

Из черного провала подъезда пахло затхлостью, мочой, хлоркой и чем-то еще — сладковатым и тяжелым. Запахом, который бывает в квартирах, где давно умерли одинокие старики.

— Фонари, — скомандовал Сержант.

Луч подствольного фонаря выхватил из темноты обшарпанные стены, выкрашенные до половины в ядовито-зеленый цвет, и бетонные ступени, уходящие вверх и вниз в бесконечность.

— Добро пожаловать домой, — мрачно сказал Глеб.

Они шагнули внутрь.

Как только последний из них — Афганец — переступил порог, железная дверь за их спинами медленно, сама собой, начала закрываться на тугом доводчике.

БАМ.

Магнит с щелчком присосался обратно.

Они были внутри.

Внутри было темно, хоть глаз выколи.

Лучи фонариков — тактического на стволе у Глеба, медицинского у Олега и дешевого китайского у Аркадия — выхватывали из мрака куски пространства, от которых становилось неуютно.

Стены были выкрашены до середины в тоскливый, ядовито-зеленый цвет, который за десятилетия покрылся сетью трещин и неприличных надписей. Выше шла побелка, но она давно пожелтела и свисала лохмотьями, похожими на мертвую кожу.

— Не останавливаться! — напомнил Костоправ, переминаясь с ноги на ногу. — Слышите чавканье? Это пол хочет вас попробовать.

Так-так. Так-так.

Витя шел в центре, не сбиваясь с ритма. В замкнутом пространстве подъезда звук его палочек стал резким, бьющим по ушам. Но это работало. Серая пленка на ступенях съеживалась, пропуская отряд.

Они начали подъем.

Первый пролет. Второй. Третий.

Лестница была узкой и крутой. Перила шатались. На площадках валялись шприцы, окурки и какие-то тряпки, которые при ближайшем рассмотрении оказывались окаменевшей одеждой.

— Какой этаж? — просипел Аркадий, обливаясь потом. Мешок с товаром оттягивал плечо.

— Третий, — отозвался Егор, светя зажигалкой на цифру, намалеванную краской на стене. — Или тридцать третий. Тут хрен поймешь.

Тишина подъезда была обманчивой.

Дом жил.

Из-за железных дверей квартир, обитых дермантином, доносились звуки. Где-то работал телевизор — бубнил диктор новостей на языке, который состоял из одних шипящих. Где-то плакал ребенок, но плач этот был механическим, заикленным. Где-то слышалась ругань: глухие удары и женский визг, который резко обрывался и начинался снова.

— Не слушать, — процедил Сержант, идя первым. — Не смотреть в глазки. Смотреть под ноги.

Они поднялись еще на один пролет.

Здесь атмосфера изменилась.

Запах хлорки и щей сменился чем-то другим. Тяжелым, сырым и... строительным. Пахло мокрой штукатуркой, цементной пылью и свежей кровью.

Сверху, с площадки следующего этажа, доносился звук.

ЖЖЖЖЖЖЖЖЖ.

Звук работающей дрели. Или пилы. И тяжелое, ритмичное шлепанье чего-то мокрого о стену.

— Ремонт, — нервно хохотнул Толян, сжимая пистолет. — Соседи сверху, мать их. Вечная тема.

— Тихо, — Глеб поднял кулак. — Там свет.

На площадке выше, из-под двери одной из квартир, выбивалась полоска яркого, белого света. Дверь была приоткрыта. Она была затянута полупрозрачной полиэтиленовой пленкой, заляпанной изнутри чем-то темным.

Звуки шли оттуда. Грохот, скрежет металла о бетон и довольное урчание.

Сержант оглянулся на группу. Все устали. Аркадий дышал как загнанная лошадь. Витя продолжал механически стучать, глядя в пустоту.

— Привал невозможен, — шепнул Василий. — Идти назад — некуда. Придется пройти мимо. Или насквозь.

Он кивнул на затянутую пленкой дверь.

— Прохор, готовь инструмент. Кажется, там капитальный ремонт идет.

Стахановец перехватил кувалду поудобнее. Его черное лицо было бесстрастным.

— Ремонт — это хорошо, — прогудел он. — Строить — не ломать.

Глеб щелкнул предохранителем.

— Ага. Только строят тут, похоже, из нас.

Они шагнули на лестничную клетку, залитую мертвенным светом из квартиры, где кипела страшная работа.

Глава Шестая: Капремонт

Они стояли перед дверным проемом на лестничной площадке третьего (или тридцать третьего) этажа. Самой двери не было. Проход был плотно затянут мутной, полупрозрачной полиэтиленовой пленкой, прибитой к косяку гвоздями-сотками.

Изнутри бил яркий, хирургически-белый свет, заставляющий пленку светиться, как экран в кинотеатре. Силуэты за ней двигались дергано, механически.

Звук оттуда шел такой, что сводило зубы.

ВЖЖЖЖЖЖЖ-ЧВАК. ВЖЖЖЖЖЖЖ-ЧВАК.

Визг высокооборотистой дрели или пилы смешивался с влажным, тяжелым шлепаньем, словно кто-то с размаху кидал куски мокрой глины на пол.

— Ремонт... — прошептал Толян, брезгливо морщась. — Ненавижу ремонты. Пыль эта, узбеки, штукатурка...

— Тихо, — осадил его Сержант. Он кивнул Неформалу. — Егор, вскрывай. Только аккуратно.

Егор достал свою выкидуху. Лезвие щелкнуло.

Он подошел к пленке, стараясь не наступать на пятна слизи, которые здесь, у порога, были особенно густыми.

— Ну-ка, глянем, что там за евростандарт...

Он вонзил нож в полиэтилен и с силой потянул вниз.

Материал поддался с трудом. Он был толстым, слоистым и... теплым.

Когда разрез разошелся, края пленки не повисли свободно. Они начали сочиться. С внутренней стороны полиэтилен был покрыт густой, липкой красной субстанцией, похожей на сукровицу. Она потянулась за ножом тонкими нитями.

— Фу, бля... — Егор отдернул руку, вытирая лезвие о джинсы. — Оно потеет.

Но страшнее вида был запах.

Из разреза, вместе с потоком спертого горячего воздуха, в подъезд вырвалась волна вони.

Это был запах мокрого бетона, дешевой масляной краски, известки — и сладковатый, тошный дух сырого мясного фарша, который начал портиться на жаре.

Запах морга, в котором затеяли побелку.

Костоправ Олег, стоявший позади, втянул носом воздух и поправил перчатки.

— Органические соединения, — констатировал он бесстрастно. — Трупный яд и силикаты. Любопытная смесь.

— Входим, — скомандовал Сержант, поднимая лопатку. — Витя, не сбивайся.

Так-так. Так-так.

Пионер шагнул в разрез первым, прокладывая звуковой коридор. За ним, давясь кашлем от пыли, двинулись остальные.

Они оказались в прихожей.

Здесь всё было подготовлено к «капремонту». Обои содраны до голого бетона, покрытого оспинами. Пол был густо устелен газетами.

Глеб скользнул лучом фонаря по полу.

— «Правда», — прочитал он заголовок под ногами. — За 12 апреля... год стерт.

Газеты уже пропитались влагой снизу и хлюпали под ногами. Идти было трудно — бумага скользила по бетону, норовя сбить с ног.

Звук дрели стал оглушительным. Он доносился из большой комнаты в конце коридора.

Аркадий, замыкающий шествие, зацепился мешком за гвоздь в косяке.

— Черт... — прошипел он, дергая сумку.

Ткань подалась, но гвоздь, царапнув по косяку, вдруг пискнул.

Стена, в которую он был вбит, мелко задрожала, и по серому бетону побежала трещина, из которой выступила капля черной жидкости.

— Ничего не трогать, — прошипел Глеб. — Стены живые.

Они подошли к арке, ведущей в зал. Свет бил оттуда, заливая коридор. Тени на полу плясали безумный танец.

Проخور, шедший вторым после Сержанта, перехватил кувалду. Его лицо, обычно спокойное, исказилось гримасой отвращения.

— Не по ГОСТу работают, — прогудел он. — Халтура.

Они заглянули внутрь.

Зал был огромным — гораздо больше, чем могла позволить планировка типовой панельки. Стены были ободраны до голого, шершавого бетона, пол залит пятнами масла и побелки.

Посреди комнаты, вращаясь с тяжелым, утробным гулом, стояла оранжевая бетономешалка. Она была старой, в потеках ржавчины и засохшего раствора, но работала исправно, перемалывая содержимое своего железного брюха.

Вокруг машины суетилась бригада.

Трое.

Они были одеты в заляпанные белые комбинезоны, какие носят маляры или дезинсектора. Лиц не было видно — их скрывали грязно-желтые респираторы «Лепесток» и надвинутые на глаза капюшоны.

Двигались они дергано, но слаженно, как заводные куклы.

Один подставлял ведро под желоб мешалки. Второй принимал полное ведро. Третий стоял у стены.

Сержант жестом приказал всем замереть. Группа вжалась в дверной проем, боясь вздохнуть.

Витя продолжал отбивать ритм, но теперь делал это совсем тихо, ударяя палочками по ткани своих шорт. Тук-тук. Тук-тук.

Существо у стены подняло руку.

Глеб прищурился в свете фонаря. У Маляра не было кисти. Его предплечье плавно переходило в широкий, металлический шпатель, вросший прямо в кость. Металл и плоть срослись в едином рубце.

Маляр зачерпнул из ведра густую, серую массу и с влажным шлепком нанес её на стену.

ЧВАК.

По бетону поползло серое пятно. Маляр ловким движением разровнял его своим рукой-инструментом.

Стена ответила.

Из-под слоя свежей «штукатурки» раздался тихий, протяжный стон. Бетон вздрогнул, впитывая смесь.

— Они... они кормят дом, — прошептал Костоправ. Он стоял, вытянув шею, и жадно взглядывался в процесс. — Посмотрите на консистенцию. Это не цемент.

В этот момент первый Маляр, стоявший у мешалки, развернулся к углу комнаты. Там, в тени, была навалена гора того, что издалека казалось мешками со строительным мусором.

Маляр нагнулся и ухватил верхний «мешок».

Тот дернулся.

В свете лампы блеснула влажная кожа.

Это был не мешок. Это был человеческий торс.

Мужское тело, лишенное рук, ног и головы. Края обрубков были аккуратно зашиты грубыми нитками, чтобы содержимое не вываливалось раньше времени. Кожа была бледной, почти прозрачной.

И оно было живым. Торс извивался в руках рабочего, мышцы спины сокращались в немом крике.

— Твою мать... — выдохнул Толян, отступая на шаг и врезаясь спиной в Аркадия.

Маляр, не обращая внимания на конвульсии «сырья», поднял торс над головой и с размаху швырнул его в жерло бетономешалки.

Внутри вращающегося барабана что-то глухо ударило.

Следом полетел второй кусок — кажется, просто охапка чьих-то ног, связанных проволокой.

Звук мотора изменился. Он натужно взвыл.

ХРУСТ.

Звук перемалываемых костей был таким громким, что заглушил стук Витиных палочек. Внутри барабана чавкало, лопалось и скрежетало.

Через секунду из желоба в подставленное ведро полилась густая, однородная масса серо-розового цвета. В ней белели мелкие осколки костей, похожие на щебень.

Костоправ поправил очки. Его лицо выражало смесь ужаса и профессионального восхищения.

— Костная мука как наполнитель. Коллаген как связующее. Кровь вместо воды. Гениально. Замкнутый цикл регенерации. Дом строит сам себя из своих же жильцов.

Проخور, стоявший впереди всех, медленно опустил кувалду на пол. Бетон под ней жалобно скрипнул.

Его черное лицо исказилось. Это было не отвращение к крови. Это была ненависть Мастера к бракоделу.

— Не по ГОСТу, — пророкотал он, и его голос перекрыл шум машины. — Раствор... грязный. Нарушение технологии.

Маляр у стены замер, не донеся шпатель до стены.

Три респиратора одновременно повернулись в сторону дверного проема.

В пустых глазницах капюшонов не было глаз. Там была только тьма.

— Нас заметили, — спокойно констатировал Глеб, вскидывая автомат. — Витя, громче!

Пионер ударил в полную силу. Звонкая дробь резанула по ушам, но было поздно.

Маляры издали звук, похожий на шипение пробитого баллона, и, лязгая шпателями о пол, скользнули в атаку.

Маляры двигались не как люди. Они скользили.

Серая жижа, покрывавшая пол, для них была не ловушкой, а смазкой. Существа оттолкнулись ногами и поехали по газетам, как конькобежцы по льду, выставив вперед руки-шпатели.

— Огонь! — крикнул Глеб.

Его автомат рявкнул, выплюнув короткую очередь. В замкнутом бетоне звук ударил по перепонкам молотом.

Пули вошли в грудь переднего Маляра. Ткань комбинезона порвалась, но крови не было. Раны мгновенно затянулись серой пастой, словно пули попали в сырую глину. Существо даже не замедлилось. Оно лишь дернулось от удара и продолжило скольжение.

— Не берет! — заорал Толян.

Браток выстрелил из ТТ, но промахнулся — Маляр резко ушел вбок, вильнув корпусом под неестественным углом, и оказался прямо перед ним.

Широкое, острое лезвие шпателя свистнуло в воздухе, целясь в шею.

Толян в последний момент успел отшатнуться, поскользнувшись на мокрой газете. Лезвие чиркнуло по стене за его спиной, высекая искры и оставляя глубокую борозду в бетоне.

— Сука! — взвизгнул он, падая на задницу. — Оно меня заштукатурить хочет!

Витя, которого толкнул отступающий Аркадий, сбился с ритма.

Так... так... тук.

Дробь прервалась.

Пол мгновенно отреагировал. Газеты под ногами вздулись пузырями. Серая слизь проступила сквозь бумагу, хватая людей за подошвы.

— Ноги! — рявкнул Сержант. — Не стоять!

Василий перехватил лопатку двумя руками и с разворота ударил ближайшего Маляра по руке.

Звон металла о металл.

Шпатель, вросший в кость, оказался прочнее саперной стали. От удара у Василия заныли зубы, но он сумел отбить атаку.

— Прохор! — крикнул он. — Машину! Бей машину!

Стахановец не нуждался в приказах. Он уже шел вперед.

Он игнорировал Маляров. Один из них полоснул его шпателем по боку, разрывая рубаху, но лезвие лишь скользнуло по каменной черной коже, не остав даже царапины.

Прохор видел только одно.

Бетономешалку.

Вращающийся оранжевый барабан, перемалывающий людей в кашу. Источник брака. Нарушение всех норм производства.

— Халтура... — пророкотал Гигант, поднимая кувалду над головой.

Его ноги в тяжелых ботинках с хрустом ломали налипшую слизь. Он шагал неотвратно, как пресс.

Маляр, стоявший у ведра, попытался преградить ему путь, замахнувшись инструментом.

Прохор просто отмахнулся от него левой рукой, как от назойливой мухи. Удар тыльной стороной ладони отшвырнул существо в угол, где оно с влажным шлепком врезалось в стену.

Стахановец встал перед машиной.

Гул мотора, казалось, дразнил его.

— Брак, — вынес приговор Прохор.

И опустил молот.

БАМ.

Удар пришелся прямо по центру вращающегося барабана.

Звук был таким, словно лопнул гигантский колокол. Чугун треснул. Инерция вращения разорвала машину изнутри.

Бетономешалка не просто сломалась — она завизжала. Это был высокий, пронзительный звук живого существа, которому сломали хребет.

Из развороченного брюха машины хлестнул поток.

Кровавое месиво, осколки костей, серая паста — всё это выплеснулось на пол, заливая Прохора по пояс.

— А-а-а-а... — протяжный стон пронесся по комнате.

Стонали стены. Вибрация прошла по полу, сбивая с ног.

Маляры, лишившись своего «алтаря», замерли.

Они схватились руками-шпателями за свои респираторы, словно задыхаясь. Их движения стали хаотичными, дергаными. Связь с Домом прервалась.

Один из них упал на колени, и его тело начало оплывать, теряя форму, превращаясь в кучу грязной ветоши и извести.

— Добивай! — скомандовал Глеб, видя, что враги дезориентированы.

Он подскочил к ближайшему Маляру и ударил прикладом автомата в висок (или туда, где должен быть висок под капюшоном). Хрустнуло что-то сухое, похожее на гипс. Существо рухнуло.

Сержант снес голову третьему ударом лопатки.

В комнате наступила тишина, нарушаемая только шлепаньем жижи, вытекающей из убитой машины, и тяжелым дыханием людей.

Проخور стоял по колено в кровавом растворе, опираясь на кувалду. Он вытер забрызганное лицо рукой.

— Смена закрыта, — прогудел он. — Производство остановлено.

В комнате стало тихо, если не считать влажного шлепанья — это остатки «раствора» стекали со стен и потолка. Бетономешалка, похожая на вскрытый труп железного зверя, дымилась.

Костоправ Олег осторожно, стараясь не набрать жижи в ботинки, подошел к стене. Он снял перчатку (под ней оказалась еще одна, более тонкая) и провел пальцем по свежей серой штукатурке.

Потом поднес палец к носу и понюхал.

— Удивительно, — пробормотал он, поправляя очки тыльной стороной ладони. — Костная мука как наполнитель. Человеческий коллаген как связующее.

Он обернулся к группе, и его глаза за стеклами очков блеснули фанатичным огоньком.

— Вы понимаете? Дом строит сам себя. Это замкнутая экосистема. Жильцы — это не население. Это ресурс для регенерации несущих конструкций. Идеальная, безотходная архитектура.

— Тебе бы лекции читать в морге, — скривился Толян, вытирая пистолет полкой пиджака. — Пошли отсюда. Воняет тухлятиной.

Они перебрались в смежное помещение — то, что когда-то было кухней. Здесь разруха была меньше. Висел покосившийся гарнитур «под дерево», на полу валялся линолеум.

— Шабаш, — сказал Егор, оглядывая полки. — А у любой бригады должна быть нычка. Закон прораба.

Неформал ловко, одним движением выкидухи, поддел дверцу навесного шкафчика, которая присохла от краски. Дверца отвалилась.

Егор просиял.

— Бинго! Сектор приз на барабане!

Он выгреб содержимое на пыльный подоконник.

Это были сокровища эпохи дефицита, замурованные здесь, казалось, вечность назад.

Блок сигарет «Родопи» в твердой пачке. Пожелтевший от времени, но запечатанный в целлофан.

Жестяная банка с растворителем или ацетоном.

И целая коробка жевательной резинки «Turbo».

Глаза Глеба, увидевшего сигареты, хищно сузились. Он шагнул вперед, оттесняя Неформала плечом, и сгреб блок.

— Это мне, — его голос не терпел возражений.

Он сорвал целлофан, вытряхнул пачку. Табак был пересушен, бумага крошилась, но запах... Запах был настоящим.

Глеб сунул сигарету в зубы. Руки у него все еще дрожали после магического отката, и он долго не мог попасть огоньком зажигалки (которую одолжил Егор) в кончик. Наконец, он затанулся.

Дым был едким, кислым, но Афганец закрыл глаза, и на его лице впервые появилось подобие покоя.

— Жить будем...

Толян, увидев жвачку, изменился в лице. Из брутального бандита он на секунду превратился в переростка-школьника.

— Опа! «Турбы»! — он сгреб горсть кубиков. — Чур, вкладыши мои! Мне «Феррари» нужен, у меня в коллекции не хватало...

Он развернул одну жвачку, сунул в рот (она рассыпалась в пыль, но он все равно жевал) и жадно уставился на картинку.

— Тьфу ты... Опель Кадет. Дешевка.

Аркадий тем временем деловито шарил по нижним ящикам. Ему были не интересны фантики. Он нашел старый молоток с расколотой ручкой, горсть гнутых гвоздей в банке из-под кофе и моток изоленты.

— В хозяйстве пригодится... — бормотал он, запихивая хлам в свой мешок. — Инструмент нынче дорог.

— Уходим, — скомандовал Сержант, глядя на потолок.

Сверху, из стыков плит, начала сочиться свежая Серая Слизь. Она капала густо, как смола. Стены кухни мелко завибрировали.

Дом реагировал на боль. Убийство бетономешалки запустило иммунный процесс.

— Рана затягивается, — заметил Костоправ. — Если не уйдем сейчас, нас замурует здесь, как тараканов в щели.

— Витя, ритм! — крикнул Глеб, пряча недокурную сигарету в кулак (драгоценность!).

Пионер, который все это время стоял в коридоре, глядя на стену, снова ударил палками по бляшке.

Так-так-тик.

Слизь на пороге отхлынула.

Они вывалились на лестничную клетку, оставляя позади квартиру, которая медленно превращалась в каменный мешок.

Они вывалились на лестничную клетку, кашляя от известковой пыли.

Дверной проем за их спинами — тот самый, с разрезанным полиэтиленом — издал влажный, хлюпающий звук. Края бетона дрогнули и потекли, как расплавленный воск. За секунду проход затянулся серой, пульсирующей массой, которая тут же затвердела, превратившись в глухую стену.

Квартиры больше не было. Остался только бетонный шрам.

— Отходим! — скомандовал Сержант Василий, вытирая пот со лба. — Возвращаемся к поезду. Сбросим груз, перегруппируемся.

Он развернулся к лестничному маршу, ведущему вниз. Шагнул к перилам... и замер.

— Твою мать... — выдохнул он.

Глеб, шедший следом, врезался в спину командира.

— Что там, батя? Одичавшие?

— Хуже, — глухо ответил Василий. — Лестница.

Они подошли к краю площадки.

Там, где минуту назад были ступени, по которым они поднялись, теперь была ровная, гладкая бетонная плита. Она уходила вниз под углом в сорок пять градусов, упираясь в глухую стену.

Ни перил. Ни пролета. Ни выхода.

Подъезд замуровал сам себя.

— Э... — Толян протиснулся вперед, глядя на тупик выпученными глазами. — Мы ж тут шли!

— Спокойно, — голос Сержанта дрогнул. — Проверим вверх.

Они метнулись к верхнему пролету.

Там было то же самое. Бетонный потолок, низкий и давящий, перекрывал путь на следующий этаж.

— Замуровали! — взвизгнул Аркадий. Мешок с инструментами выпал из его рук, звякнув о пол. — Мы в мешке! В каменном мешке!

Спекулянт заметался по тесной площадке, ударяясь плечами о стены.

— Выпустите! Я не хочу! Я не хочу в раствор!

Паника Аркадия была заразной. Стены подъезда, выкрашенные в ядовито-зеленый, казалось, начали сжиматься. Воздух стал густым, тяжелым. Слизь на полу, почувствовав страх, запырилась активнее, подбираясь к ботинкам.

— Витя, ритм! — рявкнул Глеб, видя, как серые нити тянутся к ногам Спекулянта.

Мальчик, который стоял бледный, но спокойный, снова ударил по бляшке.

Так. Так.

Звук отразился от глухих стен, ударив по ушам. Слизь отпрянула, но теперь ей некуда было уходить — она просто стугустилась у стен, выжидая.

— Без паники, — голос Костоправа был ровным, но в нем сквозило напряжение. — Дом переваривает пищу. Мы нарушили целостность его «желудка» — той квартиры. Теперь перистальтика гонит нас дальше. Путь назад отрезан, потому что мы уже перешли в следующий отдел кишечника.

— Хватит умничать! — заорал Толян. — Выход где?!

— Там, — вдруг сказал Неформал Егор.

Он стоял у единственного, что изменилось в архитектуре.

Стена, которая раньше была глухой, теперь имела проход. Длинный, темный коридор, уходящий вглубь здания. Он выглядел бесконечным.

Но в самой глубине этого коридора что-то гудело.

Тонкий, электрический зуммер.

И мигал свет. Красный, неоновый, нервный.

— Слышите? — Егор приложил руку к уху. — Гудит. Как трансформатор. Или вывеска.

— Это ловушка, — сказал Глеб, перезаряжая автомат (у него остался последний магазин).

— У нас нет выбора, — Сержант посмотрел на замурованную лестницу. — Либо туда, либо вращаем здесь в пол.

Вдалеке, в красном мареве коридора, мигнули буквы.

Сквозь расстояние и мрак проступила надпись, знакомая каждому жителю постсоветского пространства до боли, до тошноты.

«24 ЧАСА»

— Ларёк... — прошептал Аркадий, и в его глазах зажегся огонек надежды, смешанной с ужасом. — Там торговля... Там люди...

— Не люди там, — мрачно отрезал Прохор, поднимая кувалду. — Но идти надо.

Сержант кивнул.

— Стройся. Витя — в центр. Глеб — замыкающий. Идем на свет. И молитесь, чтобы там принимали нашу валюту.

Группа шагнула в длинный коридор, оставляя позади замурованный подъезд. Тьма сомкнулась за их спинами.

Глава Седьмая: Ларёк

Коридор, в который они вышли, отличался от подъезда, как операционная отличается от скотобойни.

Здесь не было запаха сырости и гнили. Здесь пахло перегретым пластиком, озоном и дешевым табаком.

И здесь был свет.

Тревожный, мигающий, багровый.

Вдоль потолка тянулись длинные стеклянные трубки ламп, но газ в них выгорел, оставив только тусклое красное свечение. Оно заливало бетонные стены кровавым маревом, искажая пропорции и лица.

Но самым невыносимым был звук.

Ззззз-ццц... Ззззз-ццц...

Электрический зуммер. Гудение неисправных трансформаторов и дросселей. Этот звук сверлил мозг, заставляя зубы ныть.

— Голова сейчас лопнет... — простонал Толян, прижимая ладони к ушам.

— Терпи, — бросил Глеб, шурясь от красных вспышек. — Зато сухо.

Действительно, Серая Слизь здесь вела себя иначе. Жар от ламп и электрическое поле высушили её. На полу она превратилась в хрусткую, ломкую корку, похожую на пепел или сухую кожу.

Витя продолжал отбивать ритм, но теперь его палочки выбивали сухой треск.

Тр-ряк. Тр-ряк.

От каждого удара сухая корка на полу лопалась, разлетаясь серой пылью.

Они шли вперед, и Костоправ, который жался к стене, вдруг остановился.

— Посмотрите... — прошептал он, поправляя перчатку. — Это же... летопись.

Стены коридора были не просто бетонными. Они были покрыты слоями бумаги.

Тысячи, десятки тысяч объявлений. Листки из тетрадей в клеточку, распечатки на матричных принтерах, просто клочки обоев с надписями от руки. Они были наклеены друг на друга в сотни слоев, образуя рыхлую, шуршащую шкуру Дома.

Глеб посветил фонарем на ближайший участок.

«КУПЛЮ ВОЛОСЫ. ДОРОГО».

«СНИМУ ПОРЧУ. ГАРАНТИЯ. ОПЛАТА ЗДОРОВЬЕМ».

«РЕМОНТ КВАРТИР. БЫСТРО. БОЛЬНО».

«МЕНЯЮ ПАМЯТЬ НА ЕДУ».

«ПРОПАЛ МАЛЬЧИК. ВОЗРАСТ 40 ЛЕТ. ОТЗЫВАЕТСЯ НА КРИК».

— Доска объявлений Ада, — усмехнулся Егор, срывая один листок (под ним оказалось еще десять). — Тут вся жизнь расписана. Купи-продай, сдохни-воскресни.

— Свет впереди, — Сержант Василий указал лопаткой во тьму.

В конце коридора, метрах в пятидесяти, мигала вывеска.

Синие и красные неоновые трубки, половина из которых перегорела, складывались в корявую надпись:

«ПРОД...КТЫ 24 ...АСА»

Они подошли ближе.

Это был он. Монумент эпохи дикого капитализма. Железный ларёк, сваренный из грубых листов стали, выкрашенных в темно-бордовый цвет. Он стоял не у стены, а в стене. Казалось, бетон оброс вокруг него, замуравав будку навечно.

Маленькое смотровое окошко, расположенное на уровне груди, было забрано частой сварной решеткой. Внизу — лоток для денег и товара, похожий на кормушку в тюремной камере.

Спекулянт Аркадий, увидев это сооружение, преобразился.

Его спина выпрямилась. Одышка исчезла. В глазах появился профессиональный блеск. Это была его среда обитания. Его храм.

— Ну, — он поправил шапку и перехватил мешок с добром поудобнее. — Посторонитесь, граждане. Тут нужен деликатный подход. Дипломатия.

Он растолкал Сержанта и Толяна и первым подошел к окошку.

Внутри ларька царил мрак, подсвеченный лишь тусклой лампочкой где-то в глубине. Полки были забиты чем-то пестрым, но разглядеть товар через грязное стекло и решетку было трудно.

— Хозяюшка! — голос Аркадия стал масляным, заискивающим, но с ноткой деловой наглости. — Не спим? Торговля идет?

В глубине будки что-то зашевелилось.

Раздался звук, от которого у Костоправа дернулся глаз.

Скрежет камня о камень.

Тяжелый, натужный скрип.

К окошку медленно придвинулась фигура.

Это была женщина. Или то, что когда-то было женщиной. Огромная, необъятная, в белом накрахмаленном чепчике, который пожелтел от времени. На ней был синий халат продавщицы.

Его лицо было серым, грубым, с глубокими порами. Глаза — маленькие черные бусинки, утонувшие в складках каменной плоти.

Когда она положила руки на прилавок, стало видно, что локти уходят вниз и сливаются с поверхностью стола. Она не стояла в ларьке. Она вросла в него. Она и была ларьком.

Сущность открыла рот. Губы разошлись с сухим треском.

— Ходят тут... — голос звучал так, будто в бетономешалку насыпали гальки. — Топчут... Пыль гоняют...

Она уставилась на Аркадия немигающим взглядом.

— Чего надо? Спирт? Патроны? Совесть?

— Показывай, что есть, мать, — Аркадий деловито выложил на железный прилавок пачку серых Талонов. — Валюта твердая. Местная.

Продавщица скосила глаза на бумажки. Её каменное лицо дрогнуло в подобии усмешки.

— Твердая... Ну, гляди. Витрина не резиновая.

Она с лязгом отодвинула заслонку, позволяя героям увидеть сокровища, разложенные за бронированным стеклом.

Свет внутри будки стал ярче, осветив полки, забитые товаром.

Это была выставка достижений постапокалиптического хозяйства.

Слипшиеся в каменные брикеты шоколадные батончики «Mars» и «Snickers». Пачки сигарет «Космос» и «Балканская звезда», покрытые пылью веков. Ржавые консервные банки без этикеток. И россыпи патронов, лежащие вперемишку с жареными семечками в граненых стаканах.

— Ассортимент... — Аркадий поцокал языком, скрывая нервозность. — Не густо, мать. Санкции?

— Завоз был... давно, — проскрежетала Продавщица. Её пальцы-булыжники перебирали товар, создавая звук, похожий на перестук бильярдных шаров. — Бери, пока лежит. Завтра дороже будет.

Глеб протиснулся к окошку, оттеснив плечом Толяна.

— Патроны, — коротко бросил он. — Пять-сорок пять. И семь-шестьдесят два на пистолет. Всё, что есть.

Сущность наклонилась вперед. Её лицо-маска не выражало ничего.

— Железо дорогое. Металл нынче в дефиците.

— У нас есть бумага, — вмешался Аркадий, выкладывая на лоток — «кормушку» — стопку Талонов. — Курс я знаю. Не борзей.

Продавщица сгребла талоны каменной ладонью. Бумажки исчезли где-то в недрах её халата-прилавка с тихим шелестом.

Взамен она высыпала в лоток горсть патронов. Глеб быстро, профессионально пересчитал их.

— Мало. Тут на два рожка едва хватит.

— Инфляция, — отрезала Сущность. — Не нравится — стреляй пальцем. Или плюйся.

Толян, видя, что военные затарились, полез следом.

— Слышь, мать! Пожрать давай. Нормального чего-нибудь. Колбасы там, хлеба свежего. А то эти консервы уже поперек горла.

Продавщица издала звук, похожий на смех — сухой кашель, от которого с потолка ларька посыпалась штукатурка.

— Хлеба захотел... Хлебозавод встал. Печи остыли. Тесто убежало... и кого-то съело.

Она швырнула в лоток полиэтиленовый пакет. Внутри гремело что-то твердое.

— Сухари. Армейские. Срок годности — вечность. Грызи, пока зубы есть.

Костоправ Олег вежливо кашлянул.

— Простите, мадам. А фармакология? Антисептики, анальгетики? У нас раненые.

Сущность порылась где-то внизу, под собой (звук был такой, будто она копалась в куче щебня).

На прилавок легли два предмета: маленький пузырек йода с резиновой пробкой и жестяная баночка бальзама «Звездочка».

— Больше нет. Аптекарь ушел. В стену ушел.

— Прискорбно, — кивнул Доктор, забирая скудный улов. — Но лучше, чем ничего. Аркадий, расплатитесь.

Спекулянт с кислой миной отсчитал еще несколько талонов. Его стопка таяла на глазах. — Грабеж среди бела дня... — бормотал он. — В девяносто третьем и то цены честнее были.

Сделка подходила к концу. Аркадий уже собирался сгрести покупки в мешок, когда краем глаза заметил движение.

Пионер Витя.

Мальчик стоял, вцепившись побелевшими пальцами в решетку. Он не смотрел на еду. Он не смотрел на патроны.

Его взгляд был прикован к верхней полке, где, среди блоков сигарет и пачек чая со слоньом, лежал предмет, сияющий неестественной новизной.

Барабан.

Настоящий, пионерский. С ярко-красными боками, полированным ободом и натянутой белой кожей, которая, казалось, светилась в полумраке. Рядом лежали две новенькие, лакированные деревянные палочки.

На фоне ржавчины и тлена этот предмет выглядел как святыня.

— Дядя Аркадий... — голос Вити дрогнул. В нем впервые за всё время прорезались детские, просительные нотки.

Спекулянт обернулся, уже завязывая мешок.

— Чего тебе? Жвачку хочешь? Нету жвачки, Толян последнюю сжевал.

— Нет... — Витя показал пальцем. — Вон там. Барабан.

Аркадий прищурился.

— Игрушка? Ты смеешься, пацан? У нас каждый талон на счету. Мы жрать сухари будем, а ты стучать?

— Это не игрушка, — тихо, но твердо сказал Витя. — Я такой... потерял. Когда меня забирали. Без него строй держать нельзя. Ритм сбивается.

Он поднял на Спекулянта свои голубые глаза. В них была мольба, смешанная с фанатичной уверенностью.

— Купите. Пожалуйста. Я отработаю. Я буду стучать громче.

Аркадий перевел взгляд на ценник, приклеенный к барабану. Там была нарисована цифра, от которой у него защемило сердце.

— Ты цену видел?! — взвизгнул он. — Это ж половина нашего бюджета! Да за эти деньги можно ящик тушенки взять! Или гранату!

Он повернулся к Продавщице.

— Слышь, мать, а скидки есть? Детям, сиротам?

— Товар штучный, — отрезала Каменная Баба. — Редкий. Инструмент Власти. Торга нет.

Аркадий решительно мотнул головой.

— Нет. Извини, пацан. Обойдешься палочками. По перилам постучишь. Мы тут выживаем, а не оркестр собираем. Пошли.

Он схватил мешок и сделал шаг прочь от окошка.

Витя остался стоять. Его руки опустились. Плечи поникли. В красном свете неона он вдруг показался очень маленьким и одиноким.

— Но без него нельзя... — прошептал он. — Без него темно.

— Эй, барыга, тормози.

Голос Толяна прозвучал неожиданно жестко. Браток шагнул вперед, преграждая путь Спекулянту.

Толян навис над Аркадием, как скала. Его рука тяжело легла на плечо Спекулянта, сжимая пуховик вместе с ключицей.

— Ты чё, Аркаша? Память отшибло? — голос Братка был тихим, но угрожающим. — Забыл, кто тебя в вагоне спас? Если б пацан бабке подножку не поставил, ты б сейчас не талоны считал, а кишки свои с пола собирал.

Аркадий заерзал, пытаясь высвободиться.

— Толян, не начинай... Я благодарен, конечно, но тут бизнес! Экономика! Мы без штанов останемся!

— Ты и так без штанов, — рыкнул Браток. — У тебя должок. Жизнь за жизнь. По понятиям так. Или ты хочешь крысой прослыть? Крысы долго не живут, я тебе обещаю.

Спекулянт затравленно оглянулся на Сержанта, ища поддержки у власти.

Но Василий стоял рядом, опираясь на лопатку, и смотрел на него тяжелым, немигающим взглядом.

— Купи барабан, — сказал Сержант. Это была не просьба. Это был приказ. — Это не игрушка. Ты видел, как слизь от его палочек шарахается? А это — усилитель. Нам через весь дом идти. Если этот грохот будет расчищать нам путь, он стоит любых денег.

Аркадий посмотрел на ценник. Посмотрел на свою пачку Талонов. Посмотрел на угрюмые лица мужчин и на Витю, который стоял, опустив голову.

Его лицо исказилось мукой, словно у него вырывали зуб без наркоза. Жаба, сидевшая у него на груди, душила его своими склизкими лапами.

— Грабеж... — простонал он. — Разорили... По миру пустили...

Дрожащими пальцами он отсчитал нужное количество Талонов. Стопка получилась внушительной — почти половина его капитала.

Он с отвращением швырнул их в лоток.

— На! Подавись!

Каменная рука Продавщицы сгребла валюту.

— Расчет окончен, — проскрежетала она.

В следующий миг в лоток, с гулким стуком, вывалился Барабан.

Витя шагнул вперед. Его движения были плавными, почти ритуальными. Он взял инструмент обеими руками, как священную чашу.

Красный бок барабана блестел в свете неона. Белая кожа мембраны была идеально натянута.

Мальчик надел ремень на шею. Барабан лег на уровень пояса, как влитой. Витя взял новые, лакированные палочки.

— Ну, пробуй, маэстро, — хмыкнул Глеб, перезаряжая автомат новыми патронами. — Покажи класс.

Витя выпрямился. Он закрыл глаза на секунду, а потом резко опустил правую руку.
БУМ.

Звук был не просто громким. Он был плотным, физически ощутимым. Низкая частота ударила в грудь, завибрировала в зубах.

Эффект превзошел все ожидания.

Серая корка слизи, покрывавшая пол коридора, не просто дрогнула. Она взорвалась серым облаком пыли в радиусе пяти метров от мальчика. Стены, обклеенные объявлениями, пошли рябью, и с них посыпалась бумажная труха.

Даже красный свет ламп на секунду стал ярче и чище, перестав мигать.

Витя открыл глаза. В них не было радости ребенка, получившего подарок. В них было холодное удовлетворение солдата, получившего исправное оружие.

— Калибровка завершена, — произнес он своим звонким голосом.

— Ни хрена себе... — прошептал Толян, вытирая пыль с лица. — Да это не барабан. Это гаубица.

В ларьке что-то грохнуло.

Железная ставня с лязгом упала на окошко, отрезая героев от Продавщицы.

«УЧЕТ», — загорелась кривая надпись на табличке.

Свет в будке погас.

— Уходим, — скомандовал Сержант, глядя в темный коридор впереди, где красный неон сменялся непроглядным мраком. — Витя, задавай ритм.

Бум-бум-трак. Бум-бум-трак.

Теперь этот звук был похож не на тиканье часов, а на поступь великана. Отряд двинулся дальше, вглубь ЖК «Мечта», прокладывая себе путь сквозь энтропию звуковыми ударами.

Как только железная ставня ларька захлопнулась, красный неон начал гаснуть. Трубки на потолке зашипели и одна за другой лопнули, погружая коридор в вязкий полумрак.

Остался только луч фонаря на стволе автомата Глеба и ритмичный бой барабана.

Бум. Бум. Бум.

Они прошли поворот. Коридор здесь расширялся, образуя нечто вроде лестничной площадки, где стены были выкрашены в тоскливый синий цвет.

— Стоп, — шепнул Глеб, вскидывая руку.

Впереди, метрах в десяти, стояли фигуры.

Трое.

Они были одеты в бесформенные серые пальто и пуховые платки, скрывавшие головы целиком. Они стояли абсолютно неподвижно, лицом к стене, словно провинившиеся школьники или молящиеся фанатики.

Они не шевелились. Но они звучали.

От фигур исходил тихий, многоголосый шепот. Сначала он казался просто шорохом сквозняка, но чем дальше герои вслушивались, тем отчетливее становились слова. Это была не речь. Это была считалочка. Монотонная, ритмичная, сводящая с ума.

«Раз, два — скрипнула доска...
Три, четыре — мы в одной квартире...
Пять, шесть — кто-то хочет есть...
Семь, восемь — никого не спросим...»

— Эй! — крикнул Толян, пытаясь скрыть страх за агрессией. — Бабки! А ну разойдись! Дорогу дай!

Фигуры не шелохнулись. Но шепот стал громче. Он заполнил собой всё пространство, проникая прямо в череп, минуя уши.

Воздух в коридоре посинел. Это был Синий Спектр — магия Разума и Иллюзий.
Реальность дрогнула.

— Бетон... — вдруг прохрипел Толян. Он выронил пистолет и схватился за горло обеими руками. — Откуда бетон? Я не могу дышать... Он льется...

Его глаза вылезли из орбит. Он видел не коридор. Он снова был на той стройке в 96-м. Он чувствовал, как тяжелая, мокрая масса заливает его по подбородок, сдавливая грудь, ломая ребра.

— Не надо! Пацаны, не надо! Я отдам долю! — визжал он, падая на колени и пытаясь «выплыть» из невидимого цемента.

Сержант Василий пошатнулся. Он опустил лопатку.

Вместо шепота старух он услышал другой звук. Рев моторов. Лязг гусениц.

Стены коридора исчезли. Вокруг было заснеженное поле под Харьковом. И на него, прямо из тумана, ползли черные громады «Тигров».

— Танки! — заорал он, срывая голос. — Танки справа! Гранаты к бою! Ни шагу назад!

Он упал на живот, вжимаясь лицом в грязный пол, пытаясь укрыться от несуществующего обстрела. Его руки скребли бетон, ища гранату, которой не было.

Глеб попытался сделать шаг вперед, но его ноги отказали.

Паралич.

Такой же, как тогда, в ущелье.

Он видел, как Шептуньи медленно, с хрустом позвонков, поворачивают к ним головы. Но под платками не было лиц. Там была пустота, из которой текли черные, маслянистые слезы.

— Нет... — прошептал Афганец. — Только не в плен... Лучше сдохнуть...

Он попытался поднять автомат к виску, но мышцы не слушались. Он был куском мяса, который ждал разделки.

Костоправ Олег застыл столбом. Он смотрел на свои руки в перчатках. Ему казалось, что они гниют заживо, мясо отваливается от костей, обнажая черные фаланги.

— Некроз... Тотальный некроз... — бормотал он заворуженно.

Шепот усиливался, превращаясь в визг.

«Девять, десять — мы идем вас весить...»

Только один человек в отряде оставался стоять.

Пионер Витя.

На него морок не действовал. У него не было прошлого, за которое можно было зацепиться. У него не было страха смерти. У него был только Барабан.

Витя смотрел на корчащихся взрослых с легким недоумением.

— Нарушение строя, — констатировал он. — Паника в рядах. Требуется корректировка.

Он перехватил новые лакированные палочки поудобнее.

Витя сделал шаг вперед, выходя в центр коридора, прямо под перекрестный огонь безумия.

Шепот Шептуний достиг крещендо. Он визжал, сверлил, пытаясь проникнуть в сознание мальчика, найти там страх, вину, боль.

Но находил только гладкую, полированную стену Устава.

Витя поднял голову.

В полумраке коридора произошло изменение. Его глаза, обычно водянисто-голубые, вдруг вспыхнули.

Это был не отблеск фонаря. Это было внутреннее свечение.

Зрачки залило ярким, электрическим синим светом. Холодным, как неоновая вывеска, и жестким, как излучение кварцевой лампы. Это был цвет Синего Спектра — магии Разума, но подчиненной железной дисциплине.

— Внимание, — произнес Витя. Его голос звучал странно — с металлическим эхом, перекрывая вой старух. — Сигнал «Тревога». Приготовиться к построению.

Он вскинул палочки и с силой опустил их на мембрану нового барабана.

ТРА-ТА-ТА!

Звук был оглушительным. Он ударил не по ушам, а прямо по мозгу, вышибая оттуда посторонние голоса.

Это была «Пионерская Зорька». Боевой марш, призывающий проснуться и встать в строй. Ритм был идеально ровным, безжалостным, математически выверенным.

ТРА-ТА-ТА! БУМ! ТРА-ТА-ТА! БУМ!

С каждым ударом от барабана расходились видимые волны синего искажения. Они врезались в вязкий, болотистый морок Шептуний, разрывая его в клочья.

Иллюзия посыпалась, как штукатурка.

Толян, который только что захлебывался бетоном, вдруг судорожно вдохнул воздух. Фантомная тяжесть исчезла. Он лежал на грязном полу, хватая ртом пыль.

Сержант Василий перестал скрести ногтями бетон. Танки исчезли. Остался только коридор.

Глеб почувствовал, как паралич отпускает мышцы. Его пальцы снова смогли сжать цевье автомата.

— Громче! — прохрипел Афганец, поднимаясь на колени. — Давай, пацан!

Витя не останавливался. Его глаза сияли как прожекторы, высвечивая фигуры старух. Шептуньи визжали.

Ритм причинял им физическую боль. Порядок был для них ядом.

Фигуры в платках начали корчиться. Они закрывали руками головы, пытаясь спрятаться от звука, но барабанная дробь проходила сквозь них.

— Нееет... Тишина... Нужна тишина... — шипели они, но их голоса тонули в марше.

Б-БУМ! — Витя нанес финальный, акцентированный удар.

Волна синего света прокатилась по коридору.

Шептуньи лопнули.

Без крови, без мяса. Их пальто и платки просто опали на пол, превратившись в кучи грязной, серой пыли и ветоши. Изнутри вырвались облачка черного дыма, которые тут же развеялись.

Иллюзия исчезла окончательно.

В коридоре повисла звенящая тишина.

Витя опустил палочки. Синее свечение в его глазах медленно угасло, оставив привычную голубизну.

Он поправил ремень барабана, одернул рубашку.

— Помехи устранены, — доложил он ровным голосом. — Личный состав, встать в строй. Продолжаем движение.

Глеб медленно поднялся, опираясь о стену. Его все еще мутило, но разум был чист. Он посмотрел на кучки пыли, оставшиеся от врагов, а потом перевел взгляд на маленького мальчика в шортах.

В глазах ветерана, прошедшего ад, плескался новый, липкий страх.

Это был не ребенок. Это было оружие.

— Ну ты и монстр, Витя... — прошептал Глеб. — Наш монстр.

Толян, кашляя и отплеываясь, поднял свой пистолет.

— Я... я чуть не сдох там... в бетоне... — он посмотрел на Витю с суеверным ужасом. — Слышь, пацан. Ты стучи. Ты только не останавливайся, ладно?

Сержант Василий поднял лопатку.

— Прохор, бери мешки у Аркадия. Аркадий, не отставать. Витя — в центр. Идем. Пока они не вернулись.

Они двинулись дальше, в темноту ЖК «Мечта», но теперь в центре их строя шло маленькое существо, способное перекричать Бездну.

Глава Восьмая: Мягкие Стены

Красное марево ларька осталось позади, сменившись привычным, давящим полумраком подъезда. Но что-то изменилось.

Сначала исчезло эхо.

В бетонной кишке дома любой шаг, любой шорох обычно разлетался на сотни метров, отражаясь от стен. Но здесь звуки словно умирали, не успев родиться. Грохот ботинок Прохора стал глухим, шаркающим. Лязг автомата о пряжку ремня Глеба прозвучал как удар ложкой по подушке.

— Уши заложило... — пожаловался Толян, трясая головой и ковыряя в ухе мизинцем. — Давление скачет, что ли?

Коридор уперся в тупик.

Точнее, в Дверь.

Она занимала всё пространство от пола до потолка. Это была исполинская, раздутая конструкция, обитая черным, потрескавшимся дермантином. По всей поверхности шли ромбы, стянутые ржавыми декоративными гвоздями, между которыми была натянута бельевая струна. Из прорех в обивке торчали ключья желтого, слежавшегося поролона.

Классическая «шумоизоляция» советской квартиры, возведенная в абсолют.

— Мягкая комната? — нервно хмыкнул Егор. — Нас что, в дурку ведут?

— Проверим, — Сержант толкнул створку.

Дверь подалась на удивление легко, без скрипа петель. Она просто беззвучно отъехала внутрь, впуская их в утробу.

В лицо пахнуло теплом.

Воздух здесь был густым, стоячим. Пахло старой пылью, сушеной лавандой, нафталином и валерьянкой — сладковатый, одуряющий запах бабушкиного сундука.

Они шагнули внутрь.

Под ногами не было бетона. Пол прогнулся, спружинил.

Глеб посветил фонарем. Луч света, казалось, увяз в пространстве, не долетая до стен.

Всё вокруг — пол, потолок, стены — было обито толстым слоем грязно-бежевого войлока. Ворс шевелился от движения воздуха, как поле сухой травы.

— Слизи нет, — заметил Аркадий, делая пробный шаг. Его кроссовки глубоко утопали в мягком покрытии. — Сухо. И тепло... Прямо как дома.

Витя, шедший в центре, нахмурился.

Он чувствовал неладное. Ему не нравилась эта тишина. Она была неправильной. Она давила на виски.

По привычке, чтобы обозначить территорию Порядка, он поднял палочки и ударил в новый красный барабан.

Движение было сильным, уверенным. Он ожидал привычного, раскатистого «БУМ!», от которого дрожат стены и разбегается тьма.

Пуф.

Звук вышел жалким. Глухим. Словно он ударил не по натянутой коже мембраны, а по ватному одеялу.

Никакой синей вспышки. Никакой ударной волны.

Войлочные стены мгновенно впитали вибрацию, не дав ей распространиться и на метр.

Витя замер. На его лице, обычно бесстрастном, появилось выражение детской растерянности.

Он ударил еще раз. Сильнее.

Пуф-пшш...

Звук умер, едва родившись. Барабан молчал. Акустика этого места пожирала любые колебания.

— Не работает... — прошептал мальчик. Его голос прозвучал так тихо, будто он говорил из-под подушки. — Звук... не проходит.

Глеб обернулся, заметив панику в глазах ребенка.

— Что такое, боец?

— Акустическая яма, — констатировал Костоправ Олег, снимая перчатку и проводя рукой по стене. Пальцы утонули в войлоке по фалангу. — Материал с абсолютным коэффициентом поглощения. Здесь ваши марши бесполезны, юноша.

— И чё? — Толян зевнул, широко, до хруста в челюсти. — Зато тихо. И мягко. Ноги хоть отдохнут...

Он сделал шаг и покачнулся. Нога провалилась в «пол» уже по щиколотку. Вязкая, мягкая среда обняла ботинок, не пуская его обратно.

Это была не агрессивная хватка бетона. Это было нежное, засасывающее объятие болота.

— Не стоять! — крикнул Сержант, но его командирский бас здесь превратился в сиплый шепот. — Двигаться к выходу!

Но двигаться было трудно. С каждым шагом ноги увязали всё глубже. Идти приходилось, высоко поднимая колени, как в глубоком снегу. Но снег холодит и бодрит, а эта субстанция грела и убаюкивала.

— Ребят... — пробормотал Егор, глаза которого начали слипаться. — А может, привал? Тут нормально... Не дует...

Он споткнулся (или просто перестал сопротивляться) и упал на колени.

Пол тут же прогнулся под ним, принимая форму его тела, обволакивая, как ортопедический матрас.

— Кайф... — выдохнул Неформал, роняя голову на грудь.

Это происходило плавно, нежно и совершенно неизбежно.

Воздух в комнате загустел, превратившись в теплый сироп. Сладковатый запах валерианы и пыли забил ноздри, отключая волю, как рубильник.

Первым сдался Толян.

Его ноги, увязшие в мягком полу по щиколотку, перестали сопротивляться. Глаза Братка расфокусировались. Он больше не видел грязный войлок и серые стены.

— Опа... — расплылся он в глупой, счастливой улыбке. — Кожа... Натуральная кожа...

В его галлюцинации перед ним стоял роскошный, огромный кожаный диван. Тот самый, о котором он мечтал, обставляя свою «хату». Символ успеха. Место, где можно упасть и забыть о стрелках и долгах.

— Пацаны, перекур... — пробормотал он, разжимая пальцы. Пистолет беззвучно упал в ворс и тут же исчез, поглощенный полом.

Толян начал опускаться.

Пол податливо прогнулся под ним, принимая форму его ягодич и спины. Но он не просто прогнулся. Ворс вокруг него начал расти.

Серые, пыльные нити, похожие на плесень, поползли по его малиновым брюкам. Они сплетались, образуя подлокотники. Спина Толяна вращалась в стену.

Он превращался в кресло.

Аркадий, который шел рядом, даже не посмотрел на товарища.

Спекулянт опустил свои баулы.

— Тяжело... — выдохнул он. — Поставлю... на минутку.

Как только сумки коснулись пола, из их днища, сквозь клетчатую ткань, проросли корни. Но это были не корни дерева — это были толстые шерстяные нити, которые мгновенно впились в ковровин, намертво сшивая груз с Домом.

Аркадий опустился на колени рядом со своим добром. Он обнял сумки, положил голову на мягкий бок баула и закрыл глаза.

— Мам... — прошептал он голосом маленького мальчика. — Я уроки сделал... Можно я посплю?

Слизь на полу, принявшая вид старого пушистого ковра, ласково накрыла его ноги, пеленая, как младенца.

Глеб Афганец держался дольше всех из «слабых».

Он стоял, опираясь на автомат, и тряс головой, пытаясь отогнать морок.

Но боль в ноющих ребрах вдруг исчезла. Холод, который мучил его с самой Сортировочной, сменился блаженным теплом.

— Хватит бегать... — пронеслось у него в голове. — Зачем? Война кончилась. Все уже там.

Ему показалось, что он слышит голоса своих ребят из взвода. Они звали его. Не кричали от боли, а смеялись. Звали к костру.

— Иду... — шепнул Глеб.

Его колени подогнулись. Он сполз по стене, выронив автомат. Стена мягко приняла его спину, обволакивая плечи уютным, теплым войлоком. Веки налились свинцом.

Он был счастлив.

— Отставить! — голос Сержанта Василия прозвучал глухо, как из-под воды, но в нем все еще была сталь.

Василий не спал. Его держал не организм, а Устав. Часовой на посту не спит. Спать — значит предать.

Он рванулся к Глебу, но его сапоги увязли. Пол держал его, как гудрон.

— Подъем, лейтенант! Замерзнешь!

Проход Стахановец стоял посреди комнаты, похожий на памятник.

Ему было плевать на уют. Он не знал, что такое «отдых». Для него мягкость стен была дефектом, который мешал работе.

— Вязко... — прогудел он, пытаясь вырвать ногу.

Войлок вокруг его ботинок зашипел и лопнул, но тут же naros снова, еще толще. Дом пытался превратить Гиганта в огромный, неподъемный шкаф.

Костоправ Олег поднес к носу ватку с нашатырем. Его взгляд оставался ясным и холодным.

Он смотрел на Толяна, который уже наполовину скрылся под слоем «обивки».

— Поразительно, — прокомментировал он, делая пометку в уме (достать блокнот он не мог — руки вязли в воздухе). — Агрессивная мимикрия среды. Комната не убивает. Она ассимилирует углеродные формы жизни, перестраивая их в элементы интерьера. Глубокий гипноз на фоне химической атаки.

Он посмотрел на свои ноги. Халат уже начал сростаться с полом.

— Коллеги, если мы не предпримем радикальных мер по стимуляции нервной системы, через десять минут мы станем гарнитуром.

Витя, стоящий в центре, продолжал беззвучно бить в барабан. В его глазах читалась паника. Его магия — магия Порядка — была бессильна против магии Покоя.

Он был всего лишь ребенком с барабаном из ваты в комнате, где всем хотелось спать.

Глеб больше не был в темной, душной комнате.

Он сидел на нагретом солнцем камне. Вокруг были горы — величественные, рыжие хребты Гиндукуша, уходящие в пронзительно-синее небо. Ветерок шевелил сухую траву.

Рядом, позвякивая кружками с чаем, сидели ребята из его взвода. Саня-радист, живой и веселый, подкручивал настройки рации. Серега, которого разорвало миной в 88-м, сейчас смеялся, рассказывая анекдот.

— Слышь, капитанище, — Саня протянул ему кружку. — Расслабься. Война всё. Дембель. Мы дома.

Глеб улыбнулся. Ему было так хорошо, как не было никогда в жизни. Тело было легким, невесомым. Никакой боли в спине, никакого звона в ушах.

Он протянул руку за чаем.

— Дома... — прошептал он. — Наконец-то.

Но где-то на периферии сознания, на самой границе этого солнечного сна, скреблась крошечная, злая мысль.

Почему так тихо?

Даже здесь, в горах, должен быть звук. Ветер. Птицы. Дыхание.

А здесь была вата. Абсолютная, мертвая тишина.

И еще... рука. Его левая рука, которой он тянулся за кружкой. Она онемела. Он не чувствовал пальцев.

Глеб посмотрел вниз.

Вместо камня под ним был мягкий, грязный войлок. А его ноги... его ноги исчезали. Ткань штанов срослась с ворсом ковра. Серые нити уже оплели бедра, поднимаясь к поясу. Он вращал в пейзаж.

— Нет... — пробормотал он во сне. — Это неправильно.

— Пей, командир, — лицо Сани вдруг расплылось, превратившись в безликую серую маску. — Пей, забудь. Спи.

Глеб дернулся. Усилием воли, которое стоило ему чудовищного напряжения, он заставил свою правую руку двигаться. Пальцы, липкие от пота, нырнули в нагрудный карман разгрузки.

Пачка сигарет «Родопи».

Он вытащил одну. Сухую, ломкую.

Спички. Коробок, купленный у Аркадия за бешеные деньги.

Глеб чиркнул спичкой.

Вспышка пламени показалась ему ослепительно яркой в этом сумеречном мире. Огонь обжег кончики пальцев, но Глеб не отдернул руку. Наоборот.

Он жадно затянулся, втягивая в себя едкий, горький дым дешевого табака.

Кашель разодрал горло.

Иллюзия гор дрогнула.

Но этого было мало. Сон был слишком сладким, он тянул назад, в мягкую могилу.

Глеб посмотрел на тлеющий красный уголек сигареты.

— Боль — это жизнь, — прохрипел он свой старый армейский принцип. — Пока болит — ты живой.

Он сжал зубы так, что скрипнула эмаль.

И с силой, вдавливая окурок, прижал горящий конец сигареты к тыльной стороне своей левой ладони.

Ш-Ш-Ш...

Запахло паленой кожей и мясом.

Боль была резкой, ослепительной, как удар током. Она пронзила руку, ударила в плечо, взорвалась в мозгу сверхновой звездой.

Красный Спектр.

Это была не просто физиология. Глеб инстинктивно влил в этот ожог всю свою ярость, всё свое нежелание умирать овощем.

Реальность треснула.

Солнечные горы рассыпались в прах. Лица друзей стекли серыми потеками.

Глеб закричал.

Это был не крик жалости. Это был рык зверя, попавшего в капкан.

Волна красного жара, исходящая от его обожженной руки, ударила во все стороны.

Мягкие стены комнаты содрогнулись. Войлок, который уже почти поглотил Глеба, с шипением отпрянул, словно его ошпарили кипятком. Серые нити, опутавшие ноги, лопнули и сохлись.

Глеб вскочил на ноги, шатаясь.

Его трясло. На руке чернел уродливый ожог, но глаза были ясными и бешеными.

Он был в грязной, пыльной комнате, обитой старым дермантином. Рядом с ним, полупоглощенные полом и мебелью, спали его товарищи.

Дом жрал их.

— Подъем!!! — заорал Глеб, и его голос, усиленный болью, наконец-то прорвал ватную тишину. — Встать, суки! Не спать!

Он схватил автомат за ствол, как дубину. Адреналин кипел в крови. Теперь он знал, что делать. Здесь не нужны были уговоры. Здесь нужно было насилие.

Только боль могла вырвать их отсюда.

Глеб не стал тратить время на уговоры. Слов здесь никто не слышал — ватные стены впитывали их, превращая в бессмысленный шум.

Он перехватил автомат за ствол, превращая его в тяжелую, угловатую дубину.

Первым на очереди был Толян.

Браток уже наполовину исчез. Серая ворсистая ткань, похожая на плесень, облепила его ноги и торс, формируя подлокотники. Его лицо было расслабленным, блаженным, с уголка рта стекала ниточка слюны. Он улыбался сну, в котором был королем мира.

Эта улыбка взбесила Глеба больше всего.

— Рота, подъем! — прорычал Афганец и с размаху опустил деревянный приклад на скулу Братка.

ХРЯСЬ.

Звук удара был глухим, но эффективным.

Голова Толяна мотнулась. Слюна брызнула в сторону.

Браток распахнул глаза. В них больше не было неги — только шок и острая, пронзительная боль.

— А?! Чё?! — взвыл он, хватаясь за челюсть.

Иллюзия кожаного дивана лопнула. Толян увидел, что он сидит в куче грязной пыли, которая пытается его переварить.

— Вставай, сука! — Глеб ухватил его за лацканы малинового пиджака и рывком дернул вверх.

Ткань, приросшая к штанам, затрещала и лопнула, оставив на брюках клочья серой «шерсти».

— Больно? — заорал Глеб ему в лицо. — Значит, живой! Шевелись!

Толян, сплевывая кровь и ошупывая шатающийся зуб, озверел. Боль вернула его в привычное состояние агрессии.

— Ты мне зуб выбил, волчара!

— Новый вставишь! Помогай тащить остальных!

Они набросились на Аркадия.

Спекулянт врос основательно. Он и его сумки стали единым целым с полом — бесформенным пуфиком в углу.

Толян, не церемонясь, пнул этот пуфик ботинком под ребра.

— Подъем, барыга! Учет! Налоговая пришла!

Аркадий замычал во сне, пытаясь свернуться плотнее.

— Не хочет... — процедил Толян. Он ухватил Спекулянта за воротник, а Глеб — за пояс штанов.

— Рви! — скомандовал Афганец.

Они дернули одновременно.

Раздался звук, похожий на треск рвущихся корней. Аркадий с воплем вылетел из своего кокона. Часть его пуховика и штанов осталась в полу, но сам он был свободен.

— Мои сумки! — взвизгнул он, просыпаясь. — Там товар!

— Хватай и беги! — Глеб пнул баулы, отрывая их от «грибницы».

В другом конце комнаты Костоправ Олег, пришедший в себя от криков, уже работал.

Он стоял на коленях перед Стахановцем. Прохор, стоящий столбом, превращался в шкаф — войлок уже закрыл его по грудь.

Доктор работал скальпелем. Он резал не одежду, он резал саму «плоть» комнаты, которая облепила ноги гиганта. Из разрезов в войлоке сочилась черная, маслянистая жидкость.

— Мышечный тонус отсутствует! — крикнул Олег. — Нужен внешний стимул!

Сержант Василий, вырвавшийся из плена усилием воли, размахнулся и ударил Прохора ладонью по лицу. Звонкая пощечина.

— Прохор! Смена! Авария в забое!

Глаза гиганта распахнулись.

— Авария... — прогудел он.

Он напряг свои чудовищные мышцы. Каменная кожа вздулась. Слой войлока, сковывавший его, лопнул с треском разрываемой парусины. Прохор шагнул вперед, стряхивая с себя ошметки комнаты.

Оставался Витя.

Мальчик стоял в центре, погрузившись в пол по колено. Он не спал, но был в кататоническом ступоре. Его палочки замерли в воздухе. Он просто не понимал, как бороться с врагом, которого нельзя перекричать.

Глеб подскочил к нему.

— Витя! Отбой!

Ноль реакции. Глаза пустые.

Глеб не стал бить ребенка. Он просто закинул автомат за спину, сгреб Пионера в охапку, как чемодан, и с хрустом выдернул его из мягкого плена.

Витя повис у него подмышкой, прижимая к груди барабан.

— Барабан держи, малец! — рявкнул Глеб. — Он нам еще пригодится!

— К дверям! — скомандовал Сержант. — Пока оно не очухалось!

Стены комнаты задрожали. Мягкая обивка пошла волнами, как кожа шарпея. Из складок начали выдвигаться длинные, ворсистые щупальца, пытаясь нащупать беглецов. Уют закончился. Желудок начал переваривание.

— А волосатый где?! — рявкнул Толян, озираясь.

Егора нигде не было видно.

Точнее, его было почти не видно.

Неформал не сопротивлялся процессу. Он принял Дом с распростертыми объятиями. Он лежал на спине, раскинув руки, и пол уже поглотил его наполовину. Серая, ворсистая масса покрыла его джинсы, живот и подбиралась к горлу. Егор стал барельефом на ковре.

Его лицо было умиротворенным. Глаза закрыты, на губах блуждала блаженная улыбка.

— Всё идет по пла-а-ану... — мурлыкал он во сне, утопая в теплом, мягком небытии.

— По плану у него, твою мать! — взревел Толян.

Браток подскочил к «живому коврику». Церемониться времени не было. Толян ухватил Неформала за длинные, сальные волосы и с силой дернул голову вверх.

— Подъем, Цой! Концерт окончен!

Егор взвизгнул, открывая мутные глаза.

— А? Чё? Пусти! Я в нирване!

— Ты в жопе! — Толян размахнулся и отвесил ему звонкую оплеуху. — Вставай, кому сказал!

Егор дернулся, пытаясь закрыться руками, но руки были спеленуты полом. Боль от пощечины и натянутых волос пробил дурман. Он увидел над собой не звездное небо рок-фестиваля, а перекошенную рожу бандита с выбитым зубом и пульсирующий потолок, с которого капала слезь.

— Ой, бля... — выдохнул он. — Держит!

Толян ухватил Неформала обеими руками за ворот джинсовки.

— Ну-ка... и-и-эх!

Раздался противный треск. Это лопались нити войлока, проросшие сквозь джинсовую ткань.

Егор вылетел из пола, как пробка, оставив в покрытии глубокий отпечаток своего тела. Один его кед остался в полу, навсегда став частью интерьера.

Он упал на колени, кашляя и отплевываясь от пуха.

— Мой кед... — прохрипел он. — Суки, это ж «Конверс»...

— Скажи спасибо, что не нога! — рыкнул Толян, рывком ставя его вертикально. — Беги, укурок!

Толян врезался плечом в дверь, которая уже начала зарастать мягкой, пушистой тканью. Дермантин натянулся, затрещал и лопнул.

Браток вывалился наружу, на лестничную площадку, увлекая за собой Аркадия. Следом, таща подмышкой Пионера, выскочил Глеб. Сержант и Прохор буквально вытолкнули в спину хромящего Егора и выпрыгнули сами.

Дверь за их спинами захлопнулась не с грохотом, а с мягким, влажным звуком.

ЧПОК.

Словно пробка вошла в бутылку с густым вином.

Щель между косяком и дверью мгновенно исчезла, затянулась серой «штукатуркой». Комната запечатала себя, чтобы переварить то, что успела урвать — пистолет Толяна, кед Егора и куски их одежды.

Они лежали на грязном бетонном полу подъезда, жадно глотая холодный воздух, пахнущий хлоркой и плесенью. После приторно-сладкого духа валерьянки этот запах казался чистейшим кислородом.

— Тфу... — Толян перекатился на бок и сплюнул на пол густой сгусток крови. В центре красной кляксы белел зуб. — Коренной... Сука, коренной выбил!

Он ощупал распухшую челюсть и злобно уставился на Глеба.

— Ты чем бил, урод?! Прикладом?!

— Скажи спасибо, — хрипло отозвался Афганец, опуская Пионера на пол. — Зуб новый вставишь. А так бы торшером стал. Стоял бы в углу вечность и пыль собирал.

Глеб прислонился спиной к холодной стене. Его трясло. Ожог на руке, который он сам себе сделал, пульсировал острой, ясной болью. И эта боль была прекрасна. Она была настоящей.

Он поднес к губам ту самую, наполовину истлевшую сигарету, которую так и не выпустил из пальцев. Затянулся. Дым был горьким, дерущим горло.

— Живые... — выдохнул он вместе с дымом.

Егор сидел, баюкая босую ногу в драном носке.

— «Конверс»... — ныл он. — Настоящий, американский... Где я теперь обувь найду? Тут же везде эта слизь...

— Намотай тряпку, — бросил Сержант Василий, поднимаясь и отряхивая колени. — Аркадий, дай ему что-нибудь из мешка.

Спекулянт, который судорожно ощупывал свои баулы (проверяя, не «похудели» ли они), вытащил какой-то промасленный брезент или старую футболку — с первого взгляда и не разберёшь.

— На. Рубль должен будешь.

Костоправ Олег поправил очки. На его халате остались ключья бежевого войлока, которые теперь медленно таяли, превращаясь в грязную лужу.

— Любопытный механизм защиты, — пробормотал он. — Или нападения? Сенсорная депривация плюс химический гипноз. Дом предлагает альтернативу борьбе — ассимиляцию через комфорт. Искушение покоем.

Он посмотрел на Глеба.

— Ваша терапия была... радикальной, коллега. Но эффективной. Боль — лучший стимулятор при наркотическом опьянении.

Витя стоял у перил, прижимая к себе барабан.

Он выглядел потерянным. Впервые с начала пути на его лице была растерянность.

Он легонько ударил палочкой по мембране.

Бум.

Звук был звонким, чистым. Слизь на ступеньках отшатнулась. Здесь, в подъезде, магия Порядка работала. Но там, в Мягкой Комнате, она подвела.

— Ритм сбился, — тихо сказал мальчик. — Акустика не позволила...

— Не всё можно перекричать, малец, — Глеб потрепал его по плечу (тяжелой, мозолистой рукой). — Иногда, чтобы проснуться, надо получить по морде. Запомни это.

Сержант проверил затвор своего автомата.

— Подъем. Мы потеряли время. Толян, ствол при тебе?

Браток похлопал по кобуре. Пусто.

— Там остался. В диване.

— Хреново. Значит, теперь ты грузчик. Помогай Аркадию.

— Чё?! Я?!

— Ты. Вперед.

Они двинулись дальше вверх по лестнице.

Теперь они знали: в этом Доме бояться надо не только монстров с когтями, но и мягких ковров, теплых углов и сладких снов.

Потому что в Аду покой — это просто еще одна форма смерти.

Глава Девятая: Лаборатория

Воздух в вагоне казался густым и неподвижным, словно желатин. Стены слегка вибрировали — Дом снаружи давил на поезд своей чудовищной массой, и обшивка отзывалась едва слышным, жалобным скрипом.

Желтый свет ламп под зелеными абажурами больше не казался уютным. Он был болезненным, как кожа курильщика.

Интеллигент Вениамин Петрович оккупировал один из столиков. Он выстроил вокруг себя баррикаду из книг, извлеченных из клетчатой сумки. Тома в потертых переплетах — «Архипелаг ГУЛАГ», какие-то исторические хроники, мемуары репрессированных.

Он листал страницы дрожащими пальцами, то и дело поправляя сломанные очки.

— Должна быть логика... — шептал он, водя носом по строчкам. — В любой системе есть логика. Карательный аппарат... жертвоприношения майя... индустриализация... Это всё звенья одной цепи. Мы попали в исторический отстойник.

В углу, у потухшего титана, устроилась Агафья.

Деревенская старуха не читала книг. Она занималась делом. В помятой железной кружке она заваривала что-то бурое и пахучее. Кипяток она брала из аварийного крана, а ингредиенты доставала из холщовых мешочков на поясе: сушеную полынь, какие-то корешки и крошки черного сухаря.

От её варева пахло землей и ладаном. Она мерно раскачивалась, беззвучно шевеля губами в молитве, которая больше напоминала заговор от зубной боли.

Гимнастка Лена лежала на диванчике, свернувшись в позе эмбриона.

Поверх её красного спортивного костюма была наброшена тяжелая, воняющая мазутом и смертью шинель, которую дал Глеб. Девушка не спала. Её глаза были закрыты, но лоб покрывала испарина.

Иногда она тихо скулила сквозь стиснутые зубы.

Боль в изувеченных ногах не утихала. Она пульсировала в такт далекому гулу Дома, выкручивая суставы, натягивая нервы, как струны.

Но самым беспокойным обитателем вагона был Аллан.

Экстрасенс не мог сидеть. Он мерил шагами проход — от барной стойки до запертых дверей тамбура и обратно. Его белый костюм окончательно потерял лоск, превратившись в серую тряпку, но Аллан этого не замечал.

В руках он сжимал трофей — грязный, пропитанный кровью блокнот в клеточку.

Аллан то и дело останавливался, подносил книжку к глазам, читал пару строк, а потом резко сдергивал с лица черные очки.

Его левый глаз, скошенный к виску, начинал бешено вращаться, сканируя пространство.

— Так... так... — бормотал он, облизывая пересохшие губы. — Потоки... Векторы...

Для него вагон не был пустым. Он видел, как воздух пронизывают тонкие, дрожащие нити напряжения. Он видел красное марево боли, исходящее от Лены. Видел серый, землистый шлейф вокруг Агафьи.

— Это не хаос, — прошептал Аллан, захлопывая блокнот и снова надевая очки, чтобы дать отдых мозгу. — Вениамин Петрович, вы ищете историю, а надо искать физику.

— Что? — Интеллигент поднял мутный взгляд.

— Это место, — Аллан постучал пальцем по обложке блокнота. — Это не ад. И не тюрьма. Это чертеж. Схема. И у неё есть жесткие правила эксплуатации.

Он посмотрел на Лену. Красное сияние вокруг её ног стало ярче, когда она снова стонала.

— И кажется, я начинаю понимать, как использовать местное электричество, — сказал Экстрасенс, и в его голосе прозвучало что-то, от чего Агафья в углу перестала молиться и испуганно перекрестилась. — Нужен только правильный предохранитель.

Аллан резко остановился напротив диванчика, где лежала Лена.

Он постоял минуту, глядя на неё сквозь черные линзы очков. Лена почувствовала этот взгляд — тяжелый, ошупывающий. Она открыла глаза и испуганно вжалась в спинку сиденья, натягивая воротник грязной шинели до самого носа.

— Что?.. — прошептала она.

Аллан не ответил. Он придвинул стул и сел напротив, оказавшись пугающе близко.

— Тебе больно, деточка? — спросил он. Голос его был мягким, вкрадчивым, но в нем не было сочувствия. Только интерес. — Сильно больно?

— Связки... — Лена всхлипнула. — Они горят. Как будто там битое стекло внутри. Доктор сказал, ресурс выработан...

— Доктор — мясник, — отмахнулся Аллан. — Он видит плоть. А я вижу энергию.

Он наклонился к ней, понизив голос до заговорщицкого шепота.

— Ты сейчас — не калека, Лена. Ты — заряженная батарейка. Твое тело генерирует колоссальное количество импульса. Просто ты держишь его в себе. Ты позволяешь боли разъедать твои нервы, вместо того чтобы выпустить её наружу.

Лена смотрела на него как на сумасшедшего.

— О чем вы?

— О физике, — Аллан огляделся.

Он взял с соседнего стола массивную пепельницу из толстого, граненого стекла. Тяжелую, как кирпич. Поставил её на столик перед Леной.

— Смотри.

— Зачем?

— Не спрашивай. Делай.

Аллан снял очки. Его левый глаз дергался, зрачок был расширен до черноты.

— Не терпи боль, Лена. Не будь жертвой. Возьми это ощущение — то самое «битое стекло» в ногах — и вытащи его. Представь, что оно течет по твоим венам, через позвоночник, в руку. А из руки — вот сюда.

Он постучал пальцем по пепельнице.

— Отдай свою боль стеклу. Пусть оно сломается вместо тебя.

Лена хотела отвернуться, сказать, что он псих, но в голосе Экстрасенса была такая гипнотическая уверенность, что она замерла.

Боль в лодыжках пульсировала, накатывая горячими волнами.

«Отдать...»

Она посмотрела на пепельницу.

Она представила, как раскаленные иглы, терзающие её суставы, поднимаются вверх. Это было страшно, но странно приятно — чувствовать, как мука покидает привычное место обитания.

Лена вытянула руку. Её тонкие пальцы дрожали. Она не коснулась стекла, остановив ладонь в паре сантиметров.

— Давай, — шептал Аллан, и по его виску катилась капля черного пота. — Скрути его. Раздави. Вспомни, как хрустели твои кости.

Лена зажмурилась.

Она вспомнила тот миг на тренировке. Хруст. Крик тренера. Стыд. И бесконечную, ослепляющую вспышку боли.

Она выдохнула этот крик через ладонь.

Воздух вокруг её руки пошел рябью, окрашиваясь в едва заметное багровое марево.
ТРЕСЬ!

Звук был резким, как пистолетный выстрел.

Массивная стеклянная пепельница не просто раскололась. Она взорвалась изнутри. Осколки брызнули во все стороны, звякнув о стены и посуду. На столе осталась только горстка стеклянной крошки и пыли.

В вагоне стало тихо. Агафья перестала шептать. Вениамин уронил книгу.

Лена медленно открыла глаза. Она смотрела на свою руку, на стеклянную пыль на столе.
— Я... я это сделала?

Аллан, не обращая внимания на порез на своей щеке от осколка, схватил её за запястье.

— Что ты чувствуешь? — быстро спросил он. — Ноги. Что с ногами? Тебе стало хуже?

Лена прислушалась к себе. На её лице появилось выражение глубокого удивления.

— Нет... — она пошевелила пальцами ног под шинелью. — Мне... легче. Жжение ушло. Осталась просто тупая ноющая боль, но... давления нет. Как будто я стравила пар.

Аллан откинулся на спинку стула и победоносно рассмеялся. Это был смех человека, который только что доказал теорему Ферма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.